Ника Веларина

Вашу свадьбу отменят

Ника Веларина

Вашу свадьбу отменят

«Автор»
2026

Веларина Н.

Вашу свадьбу отменят / Н. Веларина — «Автор», 2026

Однажды Аделина Эшфорд отменила собственную свадьбу — и приобрела репутацию женщины, с которой лучше не связываться. Теперь эта репутация приносит доход: Аделина помогает другим невестам избавиться от нежелательных женихов.Но вместе с расторгнутыми помолвками обнаруживаются испорченные магические драгоценности. А на её пороге появляется лорд Дамиан Блэквуд — мужчина, которому нужен ответ, почему после разрыва помолвки его сестры родовое поместье теряет защиту.Чтобы подобраться к виновным, им придётся сыграть влюблённых. Условия просты: фиктивная помолвка, настоящее расследование и обязательное расторжение договора.Аделина умеет отменять свадьбы. Осталось понять, захочет ли она отменить эту.

© Веларина Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 24
Глава 6 29
Глава 7 35
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Вашу свадьбу отменят

Глава 1

Шляпная коробка мисс Уитмор покоилась на ковре возле чайного столика, сиротливо прислонившись к полированной ножке из темного ореха. Сама гостья застыла на краешке дивана с такой выверенной осторожностью, словно подозревала мебельную обивку в излишней чувствительности к дорожной пыли.

Впрочем, дорожная пыль на подоле ее темно-зеленого суконного платья действительно присутствовала. Тонкая серая кайма недвусмысленно свидетельствовала о том, что экипаж трясся сюда прямо с загородного тракта, не заезжая на постоялый двор, а лошадей пустили рысью, невзирая на выбоины у городской заставы.

Аделина Эшфорд сделала маленький глоток из фарфоровой чашки. Чай остывал, источая деликатный аромат бергамота, но гостья к своей чашке так и не прикоснулась.

— Вы напрасно беспокоитесь о шторах, мисс Уитмор, — мягко произнесла Аделина, поймав испуганный взгляд девушки, скользнувший по шелковым кистям оконных драпировок. — Они видели визиты куда более бурные, чем ваш, и благополучно уцелели. Марта закроет дверь и проследит, чтобы нам не докучали. Пейте чай. В нем ровно столько сахара, сколько требуется, чтобы вернуть связность мыслям после скверной дороги.

Клара судорожно кивнула, но чашку не взяла. Ее пальцы в тонких замшевых перчатках продолжали мучить край кружевного платка, превращая его в безнадежно измятый комок.

— Мне сказали… — начала она чуть хрипловато, затем кашлянула и выпрямила спину. — Мне говорили, мисс Эшфорд, что вы умеете улаживать щекотливые затруднения. Светские недоразумения, о которых не принято кричать в гостиных. Тетушка намекала, что вы способны дать совет девице, потерявшей терпение.

Аделина сдержала улыбку, коснувшись пальцем теплого фарфора. «Потерявшая терпение девица» — превосходная светская формула. Обычно под ней скрывалось желание заставить кавалера сделать предложение на две недели раньше намеченного срока или способ пристроить кузину с неудобно скромным приданым к вдовцу с подагрой. Общество неохотно прощало Аделине разрыв собственной помолвки, однако ее дом на тихой столичной улице странным образом превратился в тайное прибежище для тех, кому благопристойные тетушкины рецепты уже ничем не могли помочь.

— Совет я дать могу, — отозвалась Аделина, разглядывая посетительницу.

Кларе Уитмор едва исполнилось двадцать четыре. У нее было открытое лицо с мягкими чертами, светлые брови и забавная упрямая складка у переносицы, какую обычно приобретают люди, привыкшие подолгу щуриться на солнце или всматриваться в дальние ограды. В ней не чувствовалось столичной манерности, зато чувствовалась привычка к ветру, открытому небу и сапогам для верховой езды.

— Однако совет хорош лишь тогда, когда понимаешь, чего именно добиваешься, — продолжала Аделина. — Вы приехали в спешке, оставили багаж и говорите со мной так, будто через полчаса за вами явится патруль городской стражи. Кто выбрал для вас этот брак?

Клара вздрогнула, и ее пальцы сжались на платке еще крепче.

— Дядюшка. И попечители. Мистер Вэнс… Артур Вэнс — прекрасная партия. Он богат, у него поместье в трехстах милях к северу, безупречная родословная и репутация джентльмена исключительной умеренности. Вся семья повторяет мне это с утра до вечера. Тетушка плачет от умиления, кузины завидуют фасону подвенечного платья, а стряпчий уже приготовил брач-

ный контракт на сорока листах. Все вокруг твердят, как мне повезло. Велят радоваться. Каждое утро начинать с благодарственной молитвы за такую благосклонность судьбы.

— А вы? — тихо спросила Аделина.

Клара замерла. В гостиной отчетливо тикали напольные часы красного дерева. За плотными портьерами доносился приглушенный стук колес проезжавшего фиакра, но здесь, между двумя креслами и низким чайным столиком, повисла плотная, почти осязаемая тишина.

— Что — я? — выдавила девушка.

— Вы сами, мисс Уитмор. Без дядюшкиных надежд, без кузин и без сорока листов стряпчего. Вы хотите замуж за мистера Вэнса?

Складка между светлыми бровями Клары углубилась. Ее губы дрогнули, пальцы наконец выпустили несчастный платок. Она подняла глаза — серые, неожиданно ясные и совсем не робкие, какими казались минуту назад.

— Нет, — произнесла Клара. Голос ее прозвучал твердо, даже чуть резковато, словно она долго примерялась к этому простому звуку и теперь с удивлением обнаружила, что потолок гостиной не рухнул ей на голову. — Я не хочу за него замуж. Терпеть не могу его накрахмаленные галстуки, его рассуждения о скромности и его манеру смотреть на мои руки так, будто я запачкала их сажей. Я не поеду в его северное поместье и не стану примерной хозяйкой его унылой усадьбы.

Аделина с тихим звоном опустила чашку на блюдце.

— Прекрасно. Вот теперь перед нами настоящее дело, а не светская жалоба. Признаться себе в собственном желании — половина успеха. Теперь давайте разберемся, почему вы до сих пор примеряете подвенечный наряд, вместо того чтобы объявить семье об отказе.

Клара тяжело выдохнула, опустив плечи. Вместе с этой сутулостью исчезло напряжение в ее осанке, уступив место обыкновенной человеческой усталости.

— Потому что семья сочтет меня сумасшедшей. А попечители… попечители просто продадут все, что мне дорого.

Аделина позволила паузе затянуться. Она поднялась, подошла к чайному столику и налила гостье свежего чая, добавив каплю лимонного сока.

— Пейте, Клара, — велела она спокойным хозяйским тоном, против которого трудно было возразить. — И рассказывайте по порядку. Без обобщений о злой судьбе. Имена, бумаги, условия.

Девушка послушно взяла чашку. Рука ее больше не дрожала. Сделав глоток, она опустила чашку на столик, а блюдце оставила на ладони. Ее указательный палец в перчатке начал медленно чертить по фарфору округлые линии.

— Мой отец оставил мне конюшню, — заговорила она, глядя на движение собственного пальца. — Питомник под Беллфордом. Шестьдесят акров лугов, манеж, зимние денники и племенное стадо. Мы разводим скаковых лошадей и выводных крылатых вестников. Отец разбирался в породах лучше любого заводчика в королевстве. Он знал, как учить молодняк, как ладить с крылатыми жеребятами… Знаете, они ведь пугливые, пока маховые перья не окрепнут. Если на них прикрикнуть, они начинают биться в перегородку, сдирают кожу на крупе, отказываются от овса.

Лицо Клары переменилось. Тусклая покорность сошла с него без следа. Глаза загорелись тем упрямым, живым огнем, который появляется у людей дела, когда речь заходит о единственном, что имеет для них истинное значение.

— Вот здесь — главный манеж, — палец Клары описал круг по краю блюдца. — Чуть правее — ясли для молодняка. Отец завещал конюшню мне. Целиком. Но с условием: до моего двадцатипятилетия имуществом распоряжаются двое назначенных душеприказчиков. Дядюшка Говард и лорд-попечитель Честер. По завещанию они обязаны содержать хозяйство

за счет доходов, но имеют право продавать отдельных животных при подтвержденной невозможности ухода.

— Удобная оговорка, — заметила Аделина, пригубив остывший напиток. — Достаточно заявить, что на племенной молодняк не хватает зерна или надежных рук, и породистые вестники уйдут с молотка за треть цены нужным покупателям.

— Именно так они и делают, — горько подтвердила Клара. — Дядюшка считает конюшню разорительной блажью. Он твердит, что благородной девице неприлично пахнуть дегтем и соломой. Месяц назад он прямо заявил: если я приму предложение мистера Вэнса, попечители оформят досрочную уступку прав на часть капитала. Выделят мне приданое, а конюшню позволят передать супругу.

— А супруг, разумеется, намерен избавиться от хлопотного хозяйства на следующий же день после венчания.

— На третий, — уточнила Клара с неожиданной усмешкой. — Артур уже навел справки у городских перекупщиков. Он даже не счел нужным скрыть это от меня. Заявил за обедом, что северный климат не подходит для крылатых пород, поэтому мы оставим себе пару упряжных кобыл для выездов, а остальных распродадим до наступления осени. Он говорил об этом так спокойно, словно обсуждал замену старых ковров в коридоре!

Аделина сцепила пальцы на коленях. Знакомая картина. Мужчины известного склада обладали поразительным даром превращать чужие жизни, труды и привязанности в аккуратные статьи расходов, подлежащие немедленному сокращению ради собственного душевного покоя.

— А помолвочный залог? — спросила она. — Вы уже обменялись печатями?

Клара побледнела и опустила руку к вырезу платья. Под тканью угадывались очертания продолговатого предмета.

— Да. Две недели назад. Селеста Пембертон устроила официальную помолвку в своем городском салоне. Дядюшка настоял. Баронесса уверяла, что это придаст союзу нерушимую прочность. Мистер Вэнс внес вексель на четыре тысячи золотых, а от меня потребовали семейный артефакт.

Она осторожно извлекла из-за корсажа старинную серебряную брошь. Украшение было выполнено в форме сложенных птичьих крыльев, обнимающих прозрачный берилл. Камень казался мутноватым, но в глубине его теплился ровный, едва заметный голубоватый отблеск.

— Брошь матери, — пояснила Клара, бережно положив вещицу на ладонь. — Она зачарована на успокоение животных. С ней даже годовалый крылатый жеребец подпускает к себе без веревок. Печать баронессы связала брошь с договором. Если я объявлю об одностороннем разрыве… если просто сбегу или скажу «нет» у алтаря, я потеряю ее навсегда. Брошь перейдет мистеру Вэнсу по праву компенсации. А дядюшка немедленно объявит меня недееспособной и выставит питомник на публичные торги.

Аделина подалась вперед, внимательно разглядывая серебряные крылья. Магический залог был подлинным, тонкой старой работы.

— Односторонний отказ исключен, — вслух рассудила Аделина. — Терять брошь нельзя, как и давать попечителям повод для скандала. Значит, нам нужно взаимное согласие на расторжение. Если жених и невеста приходят к баронессе и заявляют, что ошиблись друг в друге, договор аннулируется без штрафов. Залоги возвращаются владельцам в полной неприкосновенности.

— Но Артур не согласится! — воскликнула Клара. — Он упрям. Он считает, что невеста с конюшней и приданым — достойная награда за его снисходительность. Зачем ему отказываться от меня по доброй воле?

Аделина откинулась на спинку кресла. Губы ее тронула легкая, почти хищная улыбка, какую хорошо знали завсегдатаи столичных приемов перед тем, как мисс Эшфорд наносила свой очередной светский удар.

— Затем, милая Клара, что ваш драгоценный мистер Вэнс влюблен вовсе не в вас. Он влюблен в собственное представление о благонравной провинциальной жене, которая будет покорно вышивать подушки в его северной усадьбе и заглядывать ему в рот за утренним кофе. Скажите мне: сколько времени он провел в вашем питомнике?

Девушка моргнула, сбитая с толку вопросом.

— Нисколько. Он приезжал в наш загородный дом трижды. Мы пили чай в беседке, гуляли по гравиевой дорожке… Один раз он дошел до ворот конного двора, поморщился от запаха навоза и сказал, что мне не следует утомлять себя прогулками в столь неподходящих местах.

— Превосходно, — заключила Аделина, и в ее взгляде мелькнул холодный, расчетливый азарт. — Он не видел вас за работой. Он понятия не имеет, кто вы такая. И мы с вами устроим так, чтобы он увидел это во всех подробностях.

Послеполуденное солнце коснулось золоченых корешков книг на полках, разливая по гостиной теплый янтарный свет. На столике перед Аделиной лежали два листа плотной бумаги: один — визитная карточка с гербовым тиснением устроителей загородного весеннего смотра верховых животных, второй — короткая расписка о получении задатка в пятьдесят золотых монет.

Клара стояла у окна, нетерпеливо теребя перчатки.

— Вы уверены, что мне не придется разыгрывать безумие? — с сомнением спросила она. — Кузина рассказывала про одну даму, которая опрокинула супник на колени жениху, чтобы отвадить его. Тот отвадился, но теперь ее не принимает ни один приличный дом от Беллфорда до побережья.

— Избавьте меня от дурного балагана, — сухо поморщилась Аделина. — Разыгрывать сумасшествие глупо, вульгарно и совершенно неэффективно. Мужчина вроде вашего мистера Вэнса сочтет истерику временной женской слабостью, наймет двух строгих компаньонок и удвоит бдительность. Нет, мы пойдем совершенно иным путем. Вы будете самой собой. Настолько искренней, насколько позволит приличие.

Она придвинула к себе пригласительный билет на загородный смотр в усадьбе лорда Торнтона.

— Послезавтра в Торнтон-парке собирается цвет столичных коннозаводчиков. Там будут выставлять молодых верховых животных, в том числе крылатый молодняк из королевских заводов. Вы напишете мистеру Вэнсу записку. Назовете смотр редкой возможностью посоветоваться с ним, как с будущим главой семьи, относительно племенных качеств животных. Он польстится на возможность блеснуть рассудительностью и непременно приедет.

— А дальше? — Клара подошла ближе, затаив дыхание.

— А дальше вы забудете о том, что на вас надето светлое шелковое платье. Когда на манеже появится испуганный зверь — а при таком скоплении зонтиков и праздных зевак молодой крылатый конь непременно занервничает, — вы не станете падать в обморок на руки жениха. Вы пойдете к стойлам и займетесь тем, что умеете делать лучше всего. Я позабочусь о том, чтобы зеваки не мешали, а мистер Вэнс получил возможность наблюдать за вами без помех. С самого близкого расстояния.

Клара медленно перевела взгляд с приглашения на расписку. На ее щеках выступил румянец.

— Он испугается, — прошептала она.

— Он ужаснется, — с удовольствием поправила Аделина. — Он увидит не покорную куклу в кружевах, а женщину, которая пахнет ветром, держит в руках взбесившегося зверя и намерена делать это всю оставшуюся жизнь. А затем, когда первое потрясение уляжется, я задам ему один совершенно невинный вопрос о вашем общем будущем. И вы сами услышите, как он предложит вам разойтись миром.

Девушка молчала несколько секунд, затем решительно протянула руку и пожала ладонь Аделины. Рукопожатие у Клары оказалось крепким, почти мужским.

— Договорились, мисс Эшфорд. Если вы спасете моих животных и вернете брошь, я заплачу оставшиеся сто пятьдесят золотых в тот же день.

Когда за гостьей закрылась входная дверь и по мостовой застучали колеса наемного экипажа, в гостиную неслышно вошла Марта. Она собрала со столика чашки, смерила хозяйку долгим, выразительным взглядом и покачала головой.

— Вы уже празднуете победу, Аделина, — негромко заметила компаньонка, ловко подхватив поднос. — У вас глаза блестят так же, как перед покупкой того безумно дорогого изумрудного гарнитура, который вы потом три месяца не знали, куда надеть.

— Гарнитур был великолепный, Марта, — парировала Аделина, подходя к бюро. — И он отлично окупился, когда дядюшка виконта попытался перекупить мою ложу в опере. Что же до мисс Уитмор… Дело проще простого. Мужчины не переносят двух вещей: когда женщина умнее их в их собственных глазах и когда ее ремесло не оставляет места для их драгоценного самолюбия. Вэнс сбежит сам, вот увидишь.

Она достала лист бумаги и обмакнула перо в чернильницу, собираясь написать модистке насчет подходящего дорожного наряда для поездки в Торнтон-парк.

Перо зависло над чистой страницей.

На мгновение перед мысленным взором Аделины возникло собственное прошлое: чужой уверенный голос, убеждавший ее, что управление доходными векселями — слишком утомительное занятие для хрупких женских рук, и холодное осознание обмана, настигшее ее всего за две недели до назначенного венчания. Тогда ей тоже казалось, что чужую натуру легко просчитать на три шага вперед.

Аделина тряхнула головой, прогоняя наваждение, и решительно вывела первую строчку. Пора было заказывать дорожное платье.

Глава 2

Торнтон-парк встретил гостей сырой травой, сосновой стружкой и густым конским духом, который истинные любители верховой езды ценили выше любых дорогих привозных духов.

Аделина Эшфорд выбрала позицию на дощатом помосте возле судейской трибуны. Место было безупречным во всех отношениях: под навесом туфли из темно-вишневой кожи оставались в полной безопасности от мелкой сырости, а широкий обзор позволял наблюдать за песчаным манежем и застекленной галереей, где леди из общества пили лимонад под кружевными зонтиками.

Рядом с ней стоял Артур Вэнс.

Жених Клары выглядел ровно так, как положено выглядеть состоятельному джентльмену из северного графства, прибывшему в столицу за благонравной невестой: серый рединг от безукоризненного сукна, накрахмаленный пластрон, высоко задравший подбородок, и выражение лица человека, твердо убежденного, что мир вокруг устроен исключительно для проверки его терпения.

— Погода оставляет желать лучшего, мисс Эшфорд, — заметил мистер Вэнс, поправляя перчатку из оленьей кожи. Голос его звучал размеренно и тяжело, словно каждый слог предварительно взвешивали на аптекарских весах. — В провинции мы не устраиваем подобных сборищ в сырость. Земля размокает, а молодняк легко простудить. Впрочем, Клара так настойчиво просила меня присутствовать, что отказать было бы невежливо. Она уверяла, что мой совет по поводу экстерьера крылатых пород будет ей чрезвычайно полезен.

— Любая невеста мечтает опереться на здравый смысл будущего супруга, — с вежливым сочувствием отозвалась Аделина, кончиком пальца в кружевной митенке коснувшись ручки своего шелкового зонта. — Особенно в вопросах столь тонких, как приобретение породистых животных. Женщинам свойственно поддаваться эмоциям при виде красивых крыльев, тогда как мужчина сразу видит расходы на содержание.

Мистер Вэнс одобрительно покосился на собеседницу. Аделина уже двадцать минут искусно подогревала в нем сознание собственной рассудительности, и жених Клары явно проникся уважением к этой светской даме, столь чутко понимавшей бремя мужской ответственности.

Сама Клара стояла чуть впереди, у деревянного барьера. На ней было платье цвета увядшей розы — приличное, скромное, выбранное дядюшкой специально для помолвочных выходов. Платье стесняло плечи, длинный подол подметал опилки, а шляпка с нелепыми искусственными фиалками постоянно сползала набок, стоило девушке повернуть голову в сторону конного двора. Клара мученически терпела наряд уже второй час, но по тому, как ее пальцы сжимали доску ограждения, Аделина видела: терпение клиентки подходило к концу.

— Вот и показ королевского молодняка, — оживились в ложе за их спинами.

На манеж вывели полуторагодовалого жеребца редкой серебристо-пегой масти. Животное было великолепно: сухие тонкие ноги, лебединая шея и аккуратно сложенные вдоль боков широкие крылья, перья которых отливали влажной сталью. Однако конь нервничал. Слишком много кричащих дамских зонтиков колыхалось над трибунами, слишком резко хлопали флажки на судейских столбах, а ветер доносил со стороны буфета запах жареного миндаля и звуки духового оркестра.

Смотритель — плотный мужчина в кожаном фартуке — попытался провести жеребца по кругу на длинном поводе.

В этот момент дама в первом ряду громко захлопнула полосатый шелковый зонт.

Раздался сухой, трескучий щелчок. Жеребец прянул ушами, взвился на дыбы, взметнув фонтан мокрого песка, и резко распахнул левое крыло. Взмах семифутового крыла сбил смотрителя с ног. Публика на помосте испуганно заверещала, попятилась, послышался звон уроненных чашек, и кто-то из благородных джентльменов поспешил увлечь дам обратно в павильон.

— Какой кошмар, — холодно процедил мистер Вэнс, отступая на шаг и заслоняя собой Аделину. — Абсолютно недисциплинированное животное. Этим столичным смотрителям не хватает твердой руки. Клара, дорогая, отойдите от барьера, немедленно!

Клара не шелохнулась.

Она не стала кричать, не попятилась и даже не взглянула на жениха. Одним быстрым, привычным движением она сорвала с головы дурацкую шляпку с фиалками, отшвырнула ее прямо под ноги опешившему смотрителю трибун и перемахнула через нижнюю перекладину забора с ловкостью подростка, привыкшего перелезать через садовые плетни.

— Мисс Уитмор! — в ужасе выкрикнул Вэнс. — Вы с ума сошли?!

Он дернулся было вперед, но Аделина ловко шагнула в сторону, разворачивая свой широкий зонт так, что тот мягко, но непреодолимо преградил путь джентльмену.

— Не мешайте ей, мистер Вэнс, — негромко, но властно произнесла Аделина. — Если вы сейчас побежите на манеж в вашем городском пальто, конь решит, что на него нападает еще одно чудовище, и переломает ноги о жерди. Смотрите. Просто смотрите.

На манеже Клара преобразилась так стремительно, словно сбросила вместе со шляпкой десяток навязанных светских условностей.

Шелковый подол цвета увядшей розы мгновенно покрылся серыми комьями влажной глины, но девушка даже не посмотрела вниз. Сняв перчатки, она опустилась на одно колено прямо в песок, оказавшись ниже уровня глаз испуганного зверя, и протянула вперед раскрытую правую ладонь. В левой руке она держала серебряную брошь, снятую с корсажа.

Берилл в серебряных крыльях отозвался на прикосновение пальцев ровным, мягким сиянием. Голубоватый свет не слепил — он растекался в сыром воздухе едва заметной дымкой, пахнущей весенней грозой и речной прохладой.

— Тихо, мальчик… тихо, серебряный, — голос Клары звучал ровно, густо, без малейшей визгливой нотки. Она говорила размеренно, словно напевала колыбельную капризному ребенку. — Никого здесь нет. Только ветер и глупые тряпки. Никто тебя не тронет.

Жеребец тяжело дышал, раздувая алые ноздри. Крылья его судорожно вздрагивали, маховые перья с сухим шорохом терлись о бока. Он сделал один неровный шаг вперед, кося круглым фиолетовым глазом на светящийся берилл. Зачарованный артефакт матери делал свое дело: паника отступала, сменяясь осторожным любопытством.

Конь вытянул шею. Клара замерла, не делая резких движений. Жеребец коснулся мягкими губами ее ладони, втянул ноздрями запах кожи, дорожной пыли и овса, который у нее, похоже, всегда водился в потайном кармане.

Поднявшийся смотритель подобрался сзади с недоуздком, но Клара, не оборачиваясь, махнула ему свободной рукой:

— Назад, Томас! Уведи людей от ворот денника. Мы сами дойдем.

Она плавно поднялась на ноги. Жеребец вздрогнул, но не отпрянул. Клара положила ладонь на его взмокшую шею, прямо под коротко остриженную гриву, и неторопливо повела коня через манеж к открытому стойлу. Ее плечи расправились, в походке появилась уверенная упругость, а испачканный подол волочился по земле так свободно, будто лучшего применения для дорогого шелка и быть не могло.

Аделина скосила глаза на Артура Вэнса.

Джентльмен стоял неподвижно. Его накрахмаленный пластрон, казалось, стал еще жестче, но лицо вытянулось. Он смотрел на невесту так, словно благочестивая овечка, купленная им для украшения лужайки, вдруг обернулась болотной рысью и утащила в кусты целого барана.

— Она… она трогает его руками, — севшим голосом проговорил он. — Без перчаток. Там же грязь. И кровь — смотритель оцарапал руку о пряжку.

— Она заводчица, мистер Вэнс, — заметила Аделина, складывая зонт, поскольку морось прекратилась. — Ее отец вывел эту породу. Полагаю, Клара провела в денниках больше времени, чем в танцевальных залах. И, согласитесь, управляется она великолепно. Ни один мужчина на этом помосте не рискнул спрыгнуть вниз.

Вэнс нервно дернул щекой.

— Женщине не к лицу подобная… отвага. Это демонстративно. Это привлекает взгляды конюхов и черни. Бог свидетель, я ценю практичность, но есть границы, которые благородная леди переступать не должна. Ей следовало подождать распорядителей.

— И позволить породистому жеребцу стоимостью в четыре тысячи золотых сломать крыло? — с невинным любопытством осведомилась Аделина. — Едва ли это можно назвать практичным решением.

Вэнс ничего не ответил, но в глазах его застыло глухое, упрямое отторжение.

Спустя десять минут Клара вернулась к трибунам. Лошадь была безопасно заперта, смотритель благодарил девушку, а сама она выглядела так, будто только что вернулась с прогулки по залитым солнцем холмам: щеки пылали, глаза сияли, а в волосах запуталась сухая травинка. Серебряная брошь была приколота обратно к лифу, и берилл в ней снова казался совершенно обычным, чуть тусклым камнем, отдавшим свой короткий запас силы.

— Артур, — Клара подошла к жениху, открыто глядя ему в лицо. — Вы не промокли? Простите, что заставила ждать, но мальчик мог покалечиться.

Вэнс посмотрел на ее перепачканные рукава, на полосу сажи у воротника и медленно вытащил из кармана белоснежный платок.

— Вы забыли шляпку на манеже, Клара. Ее растоптали.

— Это была чудовищная шляпка, — весело призналась девушка. — В ней совершенно невозможно было дышать.

— Это был приличный головной убор, одобренный вашей тетушкой, — отчеканил Вэнс, пряча платок обратно и так и не предложив ей руку. — Скажите на милость… как часто вам приходится совершать подобные… подвиги в вашем загородном хозяйстве?

Клара на мгновение замерла, поймала ободряющий взгляд Аделины и ответила совершенно спокойно:

— Каждый день, Артур. Жеребята рождаются весной. Их нужно учить, за ними нужно присматривать, чистить стойла, менять повязки. Это моя работа. И я намерена продолжать ее.

Мистер Вэнс прикрыл глаза, словно у него внезапно разболелись зубы.

— Нам необходимо поговорить, мисс Уитмор. Наедине.

Гравиевая дорожка старого липового парка уводила прочь от шума трибун. Здесь пахло прелой корой, молодыми клейкими листьями и сырым камнем старых парковых ваз. С манежа долетали обрывки духовой меди, но между высокими стрижеными изгородями царила благословенная тишина.

Аделина шла позади пары на расстоянии ровно в десять шагов — достаточно далеко, чтобы не вторгаться в чужое уединение, и достаточно близко, чтобы отчетливо слышать каждое слово сквозь шорох шагов по мокрому гравию.

Жених и невеста шли, не касаясь друг друга. Между ними словно пролегла невидимая каменная стена толщиной в добрый ярд. Вэнс держал руки за спиной, неестественно выпрямившись и выпятив грудь, а Клара машинально отряхивала перчаткой соломинку с рукава.

— Мой дом в северном графстве, — заговорил наконец Вэнс, и в голосе его больше не было светской напыщенности — осталась лишь сухая, холодная категоричность, — устроен по законам строгого порядка. Моя покойная матушка никогда не покидала усадьбы без сопровождения двух горничных. У нас подают обед ровно в четыре, в гостиной не держат собак, а конюшня расположена в полумиле от дома, за каменной стеной, чтобы никакой посторонний запах не проникал в покои.

Клара молчала, глядя под ноги.

— Когда ваш дядюшка предложил мне этот союз, — продолжал джентльмен, — он уверял, что ваше увлечение животными — лишь невинная девичья блажь, свойственная сиротам, выросшим в деревне. Он клялся, что после свадьбы вы с радостью передадите все заботы о ликвидации хозяйства попечителям и посвятите себя обязанностям хозяйки. Но то, что я увидел сегодня…

Он остановился и повернулся к ней. Лицо его выражало глубокое, искреннее разочарование человека, которому вместо благородного фарфорового сервиза доставили набор глиняных горшков для рассады.

— Вы не станете хозяйкой моего дома, Клара. Вы не желаете ею становиться. Вы думаете о перьях, поводьях и мазях для копыт больше, чем о своей будущей семье.

Клара медленно подняла голову. В ее взгляде не было вины. Была лишь тихая, несокрушимая ясность, ради которой Аделина и затеяла всю эту поездку.

— Вы правы, мистер Вэнс. Не стану. Я задохнусь в вашем северном поместье уже на второй неделе. Я буду ненавидеть ваш строгий обед в четыре часа, ваших молчаливых горничных и вашу каменную стену. И я возненавижу вас в тот самый день, когда вы продадите моих вестников перекупщикам мясных туш.

Вэнс побледнел от оскорбленной гордости и шагнул ближе, понизив голос до ледяного шепота: «Вы забываетесь, мисс Уитмор. Я предложил вам имя и порядок, но в приличном доме не позволят хозяйке копаться в навозе на глазах у соседей. Подумайте о том, какую славу вы привезете на север».

Аделина мягко ступила вперед, сокращая дистанцию. Шелк ее платья зашуршал, привлекая внимание.

— Кажется, джентльмены и леди порой совершают ошибки при первой оценке взаимных ожиданий, — ровным, светским тоном произнесла она, обращаясь к обоим сразу. — Общество поощряет поспешные союзы, но закон короны, к счастью, оставляет благородным людям достойный выход. Никому не выгодно связывать себя узами, которые через полгода обернутся скандальным разъездом и судебными тяжбами. Тем более что у попечителей мисс Уитмор, насколько я слышала, накопились весьма путаные счета за содержание питомника — новому супругу пришлось бы разбираться с долгами дядюшки Говарда при всем графстве.

Вэнс с облегчением ухватился за ее слова, словно за брошенный спасательный канат.

— Вы совершенно правы, мисс Эшфорд. Разумные люди должны признавать несовместимость до алтаря, а не после него.

Он повернулся к Кларе, с облегчением обнаружив, что на него не собираются сыпаться женские слезы и упреки:

— Полагаю, нам следует встретиться у баронессы Пембертон завтра в полдень. Мы объявим о взаимном согласии на прекращение договора. Залоги будут возвращены, помолвочные обязательства аннулированы. Никаких взаимных претензий. Я сообщу вашему дядюшке, что решение принято мной по причине… несоответствия темпераментов.

— Благодарю вас, Артур, — тихо, но с неподдельным облегчением ответила Клара. — Это самое благородное решение, какое вы могли принять.

Вэнс коротко поклонился обеим дамам, сослался на необходимость проверить свой экипаж и быстрым шагом направился к стоянке колясок, явно радуясь возможности покинуть сырой Торнтон-парк и избавиться от невесты, способной опозорить его благочестивый род.

Клара осталась стоять на дорожке. Она смотрела вслед уходящему жениху, словно все еще не веря, что оковы, сжимавшие ее последние три месяца, только что распались от нескольких простых фраз.

— Он ушел, — выдохнула она, оборачиваясь к Аделине. — Он сам… сам предложил расторгнуть помолвку! Мисс Эшфорд, вы волшебница!

— Я просто знаю, как устроено мужское самолюбие, — усмехнулась Аделина, поправляя перчатку. — Когда мужчина видит, что его не боятся и в нем не нуждаются как в спасителе, он предпочитает назвать это «несоответствием темпераментов» и сбежать с высоко поднятой головой. Завтра с вашей броши снимут залоговую печать.

Клара улыбнулась, но в следующий миг ее лицо снова слегка омрачилось. Рука девушки невольно потянулась к воротнику, где под тканью прятался фамильный берилл.

— Брошь освободят от печати, — негромко произнесла она. — И залог спасен. Но дядюшка… Дядюшка Говард никуда не делся, мисс Эшфорд. Завещание отца все еще в силе, и попечители найдут нового жениха, как только утихнут эти слухи.

Аделина с улыбкой покачала головой, глядя на чистое весеннее небо, проглянувшее сквозь редеющие тучи.

— До вашего двадцатипятилетия еще почти год, Клара. А за год в Беллфорде можно перевернуть не одну конюшню. Завтра мы снимем с броши печать у баронессы, а дальше займемся вашими попечителями. Ступайте к экипажу и велите подать плед. Вы промочили ноги, а победительницам негоже возвращаться домой с насморком.

Глава 3

Церемониальная приемная баронессы Селесты Пембертон на Королевской площади отличалась тем тяжелым благополучием старого дома, которое приобретается десятилетиями светских комиссионных.

Здесь не было ничего кричащего. Стены обтягивал матовый шелк цвета речного жемчуга, приглушавший звуки экипажей за окнами; на резных консолях благоухали белые лилии в фарфоровых вазах, а мягкие кресла с высокими спинками услужливо принимали посетителей, словно заранее гарантируя им надежное покровительство хозяйки дома.

Сама баронесса восседала за широким столом светлого дуба. Женщина неопределенных сорока пяти или пятидесяти лет, с гладко уложенными пепельными волосами и фарфоровой гладкостью холеного лица, она производила впечатление святой покровительницы благопристойных браков, которой лишь по чистой случайности приходилось подписывать денежные векселя.

— Какая досадная, право, какая печальная поспешность, — проворковала Селеста, перебирая унизанными кольцами пальцами ленты на папке с гербом дома Уитмор. Взгляд ее светлых, водянистых глаз скользнул по Артуру Вэнсу, затем задержался на Кларе и, наконец, впился в Аделину, сидевшую чуть поодаль у камина. — Молодость столь нетерпелива к чужим мелким привычкам. Казалось бы, еще вчера мы с вашим почтенным дядюшкой пили здесь чай и радовались столь отрадному согласию семейств… И вот — взаимный отказ.

— Мы пришли к выводу, сударыня, что наши склонности слишком различны для мирного супружества, — отчеканил мистер Вэнс.

Он сидел на самом краешке кресла, безупречно прямой, в дорожном пальто поверх визитки, всем своим видом демонстрируя желание покончить с формальностями и успеть на северный дилижанс.

— Истинно благородный джентльмен всегда ставит душевное спокойствие дамы выше собственной выгоды, — с легким вздохом одобрила баронесса. — Закон короны милосерден к тем, кто заблуждался искренне. Если обе стороны подтверждают добровольное согласие на расторжение, залоги возвращаются незамедлительно. Мастер Мерсер, будьте любезны.

Из темного угла комнаты, где за отдельным конторским столом высились стопки тяжелых книг в тисненой коже, поднялся мастер печатей.

Оуэну Мерсеру было за пятьдесят. Сутулый, в строгом темном сюртуке без единого украшения, с редкими седеющими волосами и лицом цвета старого пергамента, он казался частью конторской мебели — дорогой, добротной и абсолютно бесстрастной. В руках он держал лакированный футляр черного дерева, из которого извлек церемониальный жезл.

Инструмент выглядел солидно: полированная серебряная оправа толщиной в два пальца, гравированные гербы ремесленной гильдии на рукояти и широкая приемная пластинка из молочного кварца на конце. Верхнюю часть жезла закрывала массивная чеканная накладка темного металла, изображавшая переплетенные лавровые листья.

Мерсер приблизился к столу бесшумно, точно тень.

— Помолвочный договор номер четыреста двенадцать, — скрипучим, ровным голосом произнес мастер, даже не взглянув на жениха и невесту. — Залог жениха: банковский вексель на четыре тысячи золотых. Залог невесты: серебряная брошь с бериллом, родовое защитное свойство первого круга.

Он положил на дубовую столешницу вексель и серебряные птичьи крылья Клары. Камень в броши был спокоен, запечатанный поверх оправы полупрозрачной восковой печатью с алым оттиском гильдии.

— Прошу стороны подтвердить отказ от имущественных претензий, — произнес Мерсер.

— Подтверждаю, — коротко бросил Вэнс, забирая со стола свой вексель и пряча его во внутренний карман.

— Подтверждаю, — отозвалась Клара. Голос ее дрогнул от сдерживаемого нетерпения, пальцы потянулись к броши.

— Прошу выждать завершения процедуры, мисс Уитмор, — с сухой укоризной остановил ее Мерсер.

Он поднес жезл к броши. Молочный кварц на конце инструмента мягко вспыхнул. Мастер коснулся пластинкой договорной печати, повернул кольцо оправы на четверть оборота и негромко произнес положенную формулу расторжения.

Алая печать на берилле беззвучно истаяла. Тонкая струйка серого дымка поднялась в воздух и тут же рассеялась, пахнув жгучим сургучом и холодным металлом. Видимый контур магического договора исчез без следа.

— Прошу приложить отпечаток владельца, — велел Мерсер, протягивая Кларе гладкую серебряную пластинку для снятия оттиска.

Клара прижала большой палец к серебру, подтверждая возврат родового имущества. В глубине берилла на мгновение вспыхнула слабая голубая искра — обычный владельческий отклик, удостоверявший, что вещь вернулась в руки законной хозяйки.

Мерсер невозмутимо убрал жезл обратно в лакированный футляр, щелкнул замком и сделал шаг назад, вновь превращаясь в бессловесную тень.

— Вот и все, милые мои, — сладко улыбнулась Селеста, наблюдая, как Клара бережно сжимает брошь в ладони. — Узы пали, свобода возвращена. Надеюсь лишь, мисс Уитмор, что впредь вы будете более осмотрительны в выборе советчиц.

Взгляд баронессы снова плавно, точно кошачья лапа, переместился на Аделину.

— Столица полна досужих дам с богатым прошлым и сомнительным настоящим. Они охотно берутся устраивать чужие судьбы, полагая, что громкий разрыв помолвки — лучший способ заявить о себе. Но светское общество не прощает женщинам разрушенных ожиданий. Очень легко остаться у разбитого корыта, когда чужие восторги утихнут, а репутация скандалистки останется с вами навсегда.

Аделина медленно поднялась с кресла. Ее губы тронула холодная, безукоризненно вежливая улыбка.

— Благодарю за заботу, баронесса, — произнесла она, поправляя кружево на манжете. — Ваша репутация устроительницы столь прочна, что способна выдержать даже самое искреннее несогласие молодых сердец. К счастью, мисс Уитмор достаточно рассудительна, чтобы отличать надежный совет от пустых угроз. Нам пора. Мистер Вэнс, доброго пути на север.

Жених поспешно поклонился, Клара спрятала брошь за корсаж, и обе женщины покинули приемную.

Выходя на залитую солнцем Королевскую площадь, Клара шумно перевела дух:

— Боги, как же она смотрела на вас, Аделина! Я думала, она велит мастеру запереть нас обеих в подвале!

— Баронесса слишком дорожит своим доходом, чтобы устраивать уличные драки, — отозвалась Аделина, помогая девушке сесть в наемный экипаж. — Она привыкла получать плату за чужое послушание. Когда послушания не случается, ей остается лишь грозить общественным мнением. Вы получили свою брошь, Клара. Забудьте о Вэнсе и поезжайте домой.

Девушка горячо стиснула руку Аделины, передав кошелек с оставшимися ста пятьюдесятью золотыми, и коляска тронулась.

Аделина проводила экипаж взглядом, пока коляска не скрылась за поворотом. Гонорар приятно оттягивал ридикюль, а день обещал быть на редкость спокойным.

Два дня спустя иллюзия безупречной победы рассыпалась с сухим треском.

Аделина стояла у ограды конного манежа в питомнике Уитморов, кутаясь в шерстяную шаль. Утро шестого дня выдалось промозглым: над сырыми лугами полз белесый туман, с крыш конюшен лениво капала вода, а запах прелой соломы казался тяжелым и горьким.

На манеже происходило нечто странное.

Один из серебристо-пегих молодых вестников питомника испуганно храпел, забившись в дальний угол огороженного круга. Его крылья судорожно вздрагивали, маховые перья топорщились, а круглая фиолетовая радужка глаза налилась мутной тревогой.

Клара медленно подходила к нему, держа в руке фамильную брошь.

— Тихо, мальчик… тихо, серебряный… — привычно приговаривала она.

Но жеребец не успокаивался. Стоило девушке приблизиться на три шага, как конь резко вскинул голову, взвизгнул и ударил передними копытами о деревянный настил. Клара отпрянула, едва успев увернуться от свистящего удара сильного крыла.

Смотритель Томас, стоявший у ворот с длинным шестом, выругался сквозь зубы и поспешил на манеж:

— Назад, барышня! Отойдите к жердям! Он не в себе сегодня!

Вдвоем со вторым конюхом они накинули на храпящего зверя двойную веревочную петлю, натянули поводья и с трудом, упираясь сапогами в размокший песок, заставили коня пятиться в сторону денника.

Клара подошла к ограде, тяжело дыша. Ее лицо было бледным, под глазами залегли тени, а пальцы судорожно сжимали серебряные крылья броши.

— Она не работает, Аделина, — глухо произнесла девушка, протягивая артефакт.

Аделина взяла вещицу.

Металл был ледяным. Никакого тепла, никакой живой пульсации, которую она отчетливо ощущала три дня назад на загородном смотре. Прозрачный берилл казался совершенно мертвым куском мутного речного стекла.

— Когда это началось? — спросила Аделина, переворачивая украшение в пальцах. Механических повреждений не было: застежка цела, оправа плотно охватывала камень, тонкие серебряные перья не погнулись.

— Вчера днем, — ответила Клара, утирая пот со лба перепачканной перчаткой. — Я пришла навестить годовалых. Взяла брошь, коснулась камня… Сначала показалось, что он просто долго отзывается. Но ночью годовалая кобылка разбила копыто о перегородку, металась по стойлу. Я пыталась успокоить ее больше двух часов. Брошь не дала ни искры! Нам со смотрителем пришлось поить животное сонным зельем!

Она в отчаянии стиснула кулаки:

— Я поехала к баронессе сегодня на рассвете. Селеста даже не пустила меня в гостиную — вышла на лестницу в домашнем капоте и заявила, что семейные реликвии требуют бережного ухода. Сказала, что я растрясла артефакт в дорожной сумке или перегрузила его на смотре. «Вы слишком грубы для тонких магических вещей, милочка», — вот что она мне заявила!

Аделина нахмурилась, глядя на тусклый камень.

Три дня назад в Торнтон-парке этот берилл сиял ровным, плотным светом. Он не был перегружен — Клара использовала лишь малую часть его защитного свойства. Вещицы подобной работы служили десятилетиями, переживая три поколения владельцев. Растрясти старинный артефакт в карете за два часа пути было попросту невозможно.

— Вы никому не отдавали ее после визита к баронессе?

— Никому! — горячо воскликнула Клара. — Она лежала в моем шкафу в спальне, в бархатном футляре. Я достала ее только вчера днем.

— Не чините ее, Клара, — твердо произнесла Аделина, возвращая холодную брошь владелице. — Не носите к уличным ювелирам и не позволяйте местным магам ковырять оправу.

Спрячьте ее и работайте с животными обычными способами. Веревками, овсом, терпением. Смотритель Томас справится.

— Но что с ней произошло?! — в голосе девушки звенели слезы. — Без нее питомник… если молодняк начнет калечиться, попечители явятся на следующей неделе!

— Я пока не знаю, что произошло, — честно ответила Аделина, удерживая себя от соблазна выдать готовое утешительное объяснение. — Но я знаю одно: когда исправная вещь умирает вскоре после визита к мастеру печатей, виновата не дорожная тряска.

Клара шмыгнула носом, спрятала брошь в карман и вдруг нервно вскинула голову:

— Знаете… вчера днем я заезжала в город за лекарствами для конюшни. И встретила в лавке Инес Блэквуд. Мы дружим с пансиона.

Аделина насторожилась. Имя рода Блэквуд было на слуху у всего Беллфорда: старинная дворянская фамилия, крупное загородное поместье и недавний скандал с расторжением помолвки мисс Блэквуд, о котором шептались во всех салонах.

— И что же мисс Блэквуд?

— Инес выглядела ужасно, — тихо проговорила Клара. — Я пожаловалась ей, что брошь остывает, а она… она побледнела и спросила, кто снимал договорную печать. Когда я назвала Мерсера и баронессу, Инес расплакалась прямо среди склянок с мазями. Сказала, что ее брат лорд Блэквуд уже месяц не спит ночами, потому что их родовое поместье медленно сходит с ума.

Клара замялась, глядя на Аделину с виноватой мольбой:

— Я не сдержалась. Рассказала ей, как вы помогли мне с Вэнсом. Инес спросила, можно ли ее брату передать вам записку. Я согласилась. Вы не сердитесь?

Аделина медленно выдохнула облачко пара в промозглый воздух. Гордость от легкой первой победы окончательно улетучилась, оставив после себя холодную, острую настороженность.

— Я не сержусь, Клара. Ступайте к смотрителю.

Когда вечером того же дня Аделина вернулась в свой столичный дом, на серебряном подносе в прихожей уже белел плотный конверт из дорогой веленевой бумаги.

На сургуче отчетливо темнел оттиск родовой печати дома Блэквудов: ворон, сжимающий в лапе разорванную цепь.

Марта, снимая с плеч хозяйки дорожную шаль, окинула письмо внимательным взглядом:

— Посыльный дожидался ответа больше часа. Сказал, что лорд Блэквуд просит принять его завтра утром по неотложному делу, касающемуся расторгнутых помолвок.

Аделина взяла конверт, взвесила его на ладони и медленно провела пальцем по жестким краям тисненой бумаги.

— Кажется, Марта, наше тихое агентство по светским советам только что вляпалось в нечто куда более опасное, чем уязвленное самолюбие северных женихов. Приготовь на утро парадную гостиную. И достань чашки с золотой каймой. Нам предстоит знакомство с человеком, который привык отдавать приказы.

Глава 4

К одиннадцати часам утра Аделина заняла кресло у камина, тщательно выбрав позицию, позволявшую прервать разговор в любую секунду.

Свет из высокого окна падал гостю в лицо, оставляя хозяйку дома в приятной полутени. Входная дверь находилась по правую руку — достаточно было сделать три шага, чтобы позвонить в колокольчик и попросить Марту проводить посетителя, если высокородный лорд вздумает читать нотации о чести столичных семейств.

Аделина знала породу высокородных братьев до последней пуговицы на жилете. Они являлись в чужие дома с видом людей, оказывающих неизъяснимую милость самим фактом своего присутствия, начинали с напоминаний о влиянии своего рода в министерстве юстиции и заканчивали требованием выдать имена, письма и расписки под угрозой крупных светских неприятностей.

Марта поставила на столик вторую чашку из тонкого белого фарфора, окинула хозяйку коротким, выразительным взглядом и открыла дверь в прихожую.

Лорд Дамиан Блэквуд переступил порог гостиной без малейшей торжественности.

Ему было около тридцати пяти. Высокий, широкоплечий, в темно-синем сюртуке прекрасного сукна, сшитом без столичной вычурности, он производил впечатление человека, привыкшего подолгу ходить пешком или часами сидеть над чертежами сложных механизмов. Темные волосы были подстрижены короче, чем требовала капризная весенняя мода; прямое, с резкими скулами лицо казалось обветренным, а серые глаза смотрели внимательно, цепко, но без тени высокомерного снисхождения.

Он остановился в двух шагах от кресла, поклонился ровно настолько, насколько требовали правила приличия в утренний визит к незамужней даме, и опустился на указанное место только после короткого жеста Аделины.

— Мисс Эшфорд, — произнес он. Голос оказался глубоким, грубоватым, лишенным салонной бархатистости, но звучал неожиданно спокойно. — Благодарю, что согласились принять меня без предварительного представления общими знакомыми.

— Когда лорд Блэквуд присылает письмо с родовой печатью и упоминанием расторгнутых помолвок, отказать было бы непростительной беспечностью, — отозвалась Аделина, коснувшись пальцем фарфоровой ручки чайника. — В нашем кругу принято считать, что визит старшего брата обычно сулит судебный иск или требование вернуть невинную девицу в лоно покорности. Чай, милорд?

Дамиан едва заметно усмехнулся углом рта, и от этой короткой усмешки жесткие линии его лица слегка смягчились.

— Чай с удовольствием. Без сахара, если позволите. Что до судебных исков… Боюсь разочаровать ваши худшие ожидания, мисс Эшфорд. Я пришел передать вам искреннюю благодарность моей сестры Инес. За помощь мисс Уитмор.

Аделина замерла с чайником в руке, затем аккуратно наполнила его чашку. Приготовленная язвительная реплика о границах мужского покровительства повисла в воздухе, оставшись невостребованной.

— Вот как? — протянула она, возвращая чайник на поднос. — Значит, вы не собираетесь упрекать меня в поощрении девичьего своенравия? Мистер Вэнс был весьма огорчен потерей невесты. Полагаю, дядюшка Клары сейчас сотрясает стены клуба жалобами на коварных столичных советчиц.

— Дядюшка Говард — редкостный глупец, — ровно сообщил Блэквуд, принимая чашку. — Он пытается погасить свой карточный долг за счет племянницы и ее питомника. Что же

до своенравия… Когда два месяца назад Инес объявила мне, что не выйдет замуж за виконта Торна, я лично подписал согласие на расторжение помолвки на следующее же утро.

Аделина с любопытством вгляделась в лицо собеседника.

— Без семейного совета? Без трех недель затворничества в спальне и слез у алтаря? Общество приписывало вам куда более суровый нрав.

— Семье значительно дешевле обходится честный разрыв до свадьбы, чем публичная ненависть после нее, — сухо отозвался Дамиан. — Я видел достаточно несчастливых союзов, мисс Эшфорд. В них всегда слишком много лжи и слишком мало практической пользы. Инес имела полное право отказаться от человека, который ей не нравился. Мы выплатили оговоренную неустойку, передали семье Торна долю силы от семейного источника, положенную по закону, и закрыли контракт.

— И тем не менее вы здесь, — заметила Аделина. — И дело вовсе не в семейном миролюбии.

— Дело в том, — Блэквуд поставил чашку на блюдце, так и не сделав глотка, — что законная выплата закончилась восемь недель назад. А сила из моего дома продолжает исчезать каждый день.

Гостиная погрузилась в тишину. Дамиан опустил руку в карман сюртука и извлек небольшой предмет, завернутый в темную замшу. Развернув ткань, он положил на полированное дерево стола круглую пластину из черного сланца величиной с ладонь.

Поверхность камня была покрыта сетью тонких гравированных линий — контуром контрольного узла, какие обычно встраивают в фундаменты старых родовых усадеб для проверки домашней защиты. Центр пластины, где полагалось гореть прозрачному янтарному кристаллу, был совершенно темным, словно его выжгли изнутри концентрированной кислотой.

— Контрольный слепок главного узла Блэквуд-холла, — пояснил Дамиан, глядя на потемневший сланец. — Я присяжный мастер защитных контуров четвертого круга, мисс Эшфорд. Моя работа — проектировать и сдерживать тяжелые артефакты. Я знаю состояние родового камня до десятой доли накопительной меры.

Он поднял глаза, и в их серой глубине Аделина впервые различила глухую, застарелую усталость человека, который неделями пытается решить задачу с заведомо неверными вводными.

— По договору Инес мы передали виконту три десятых годового запаса узла. Это серьезная потеря, но дом способен восстановить ее за полтора сезона. Контракт закрыли. Печати погасли. Торн получил свои накопители и отбыл в поместье. Но расход не остановился. Каждую ночь запас узла продолжает уменьшаться. Медленно. Незаметно для обычного смотрителя. Защитные чары сбоят. Охранные механизмы западного крыла принимают прислугу за грабителей. Каменные стражи на лестницах активируются без команды.

Аделина вспомнила рассказ Клары о ледяном берилле и внезапном бешенстве обычно покорного жеребца.

— Остывшая брошь, — тихо произнесла она.

— Именно, — кивнул Дамиан. — Инес пересказала мне слова мисс Уитмор. Брошь начала терять тепло уже на следующий день после расторжения. Мой узел начал сбоить ровно на третий день после того, как мастер Мерсер погасил договорную печать на помолвке моей сестры.

Он подался вперед, положив широкие ладони на колени:

— До вчерашнего утра я полагал, что столкнулся с редкой внутренней трещиной родового камня. Случайная деградация породы, резонанс старых контуров, ошибка при передаче доли виконту… Но два одинаковых признака на двух совершенно разных предметах — это уже

не поломка, мисс Эшфорд. Это система. И связывает эти случаи только одно обстоятельство: обе процедуры проводили баронесса Пембертон и мастер Оуэн Мерсер.

Аделина задумчиво прошлась пальцами по шелковой обивке подлокотника. Картина складывалась пугающе гладко, но профессиональная осторожность не позволяла бросаться в омут чужих выводов.

— Вы пришли ко мне, лорд Блэквуд, потому что вам нужен второй образец. Вы хотите осмотреть брошь мисс Уитмор.

— Мне необходимо сравнить характер отвода силы, — подтвердил он прямо. — Если в броши обнаружатся те же следы скрытой утечки, гипотеза станет фактом. Но я знаю правила светских приличий. Мисс Уитмор находится в уязвимом положении из-за попечителей. Она наняла вас, доверила вам свою тайну и свое имущество. Я не стану требовать подробностей ее дела, не стану вызывать ее дядюшку на мужской разговор и не прикоснусь к артефакту без ее прямого, осознанного согласия.

Аделина сдержала одобрительную улыбку. Мужчина, обладавший титулом, состоянием и профессиональным опытом, просил о посредничестве женщину с сомнительной репутацией, вместо того чтобы просто надавить авторитетом своего рода. В этом жесте было больше подлинного достоинства, чем во всех накрахмаленных речах Артура Вэнса.

— И чего же именно вы просите, милорд?

— Организуйте встречу, — просто сказал Дамиан. — Здесь. В вашей гостиной, под вашим присмотром. Я назову мисс Уитмор условия осмотра, объясню риски и приму любой ее ответ. Если она откажет — я уйду и буду искать другие случаи.

Аделина посмотрела на часы на каминной полке. Стрелки приближались к полудню.

— В таком случае вам повезло, лорд Блэквуд. Мисс Уитмор должна привезти мне отчет от поверенного через двадцать минут. Если вы готовы подождать в библиотеке и не пугать барышню вашим грозным видом раньше времени, я налью вам еще чаю.

Дамиан поднялся, и на его лице впервые промелькнуло нечто похожее на облегчение.

— Я готов пить ваш чай хоть до вечера, мисс Эшфорд. Особенно если в нем действительно нет сахара.

Послеполуденный чай накрыли без парадного серебра. Марта благоразумно рассудила, что для делового разговора о подозрительных магических повреждениях лучше подойдут теплые булочки с тмином, сыр и крепкий настой шиповника, не требовавший церемонного обращения с щипчиками для сахара.

Клара сидела на диване, крепко сжимая в руке бархатный мешочек с брошью. Ее светлые брови были сдвинуты к переносице, но присутствие взрослого, уверенного джентльмена, не пытавшегося читать ей мораль, явно действовало на девушку успокаивающе.

— Я не стану вскрывать оправу, мисс Уитмор, — терпеливо объяснял Дамиан, разложив на столе пару тонких медных щупов и стеклянную призму в латунной рамке. Голос его звучал ровно, деловито, как у врача у постели больного. — Мы снимем только поверхностный резонанс. Сравним остаточное свечение камня с таблицей естественного распада. Ваша брошь останется в ваших руках каждую секунду этой проверки.

— А попечители? — тихо спросила Клара. — Если дядюшка узнает, что я показывала брошь чужому магу…

— Дядюшка Говард не узнает об этом от меня, — твердо ответил Блэквуд. — Я даю вам слово джентльмена и главы рода. Если результаты подтвердят мои опасения, любое дальнейшее использование этих сведений — обращение в гильдию, жалоба инспектору, привлечение свидетелей — состоится только с вашего личного разрешения. Никакие интересы моего поместья не заставят меня рисковать вашей конюшней.

Клара перевела взгляд на Аделину. Та коротко кивнула, подтверждая надежность условий.

— Хорошо, — выдохнула девушка и развязала шнурки мешочка. — Смотрите.

Дамиан не стал забирать брошь у Клары. Он лишь придвинул призму ближе, коснулся медным щупом серебряного крыла и замер, вглядываясь в преломленный свет сквозь граненые стекла.

Аделина наблюдала за его руками. Длинные, сильные пальцы двигались с абсолютной, выверенной точностью механика высшего класса. В нем не было суетливости. Ни одного лишнего жеста, ни единого высокопарного заклинания напоказ.

Спустя минуту Дамиан убрал щуп. Выражение его лица стало жестким, почти гранитным.

— Камень пуст на девяносто процентов, — негромко произнес он, глядя на потемневший берилл. — Естественный распад такого артефакта при полном покое занимает около пятнадцати лет. Ваша брошь остыла за трое суток. Причем отток идет не в воздух — он имеет строго направленный вектор.

Клара побледнела:

— Значит… ее продолжают высасывать? Прямо сейчас?

— Прямо сейчас, — подтвердил Блэквуд. — Невидимый канал держится на остатках закрытой печати. Послезавтра утром мы отвезем брошь к независимому эксперту из палаты мер. Мы зафиксируем факт истощения официально, не называя вашего имени. Вы согласны на это, мисс Уитмор?

— Да, — твердо ответила Клара. — Если это поможет вернуть ей тепло… Я согласна на все, что вы скажете, милорд.

Когда за Кларой закрылась дверь, в гостиной снова воцарилась тишина. На столике остывали чашки, замшевая салфетка хранила след от контрольного сланца, а за окном весенний ветер лениво шевелил молодые листья каштанов.

Дамиан не спешил собирать свои медные щупы. Он стоял у камина, опершись рукой о мраморную полку, и задумчиво разглядывал хозяйку дома.

— Вы на редкость хладнокровны, мисс Эшфорд. Большинство дам вашего круга при слове «невидимый канал высасывания» уже потребовали бы нюхательную соль и святую воду.

Аделина усмехнулась, не вставая с кресла:

— Большинство дам моего круга, милорд, никогда не сталкивались с необходимостью отбирать собственное имущество у жениха-мошенника. Практический опыт сильно притупляет склонность к обморокам. К тому же… вы вели себя на редкость прилично для человека с титулом барона.

Дамиан вскинул темную бровь:

— Вы ожидали, что я начну грозить девушке королевской стражей?

— Я ожидала, что вы начнете распоряжаться, — честно призналась Аделина. — Мужчины вашего положения обычно уверены, что чужое согласие входит в стоимость их родового герба. Вы спросили разрешение у испуганной барышни трижды. Это… непривычно для Беллфорда.

— Распоряжаться легко, когда командуешь полком или строителями на плотине, — спокойно отозвался Блэквуд, пряча латунную призму в футляр. — Но когда имеешь дело с чужой бедой, приказы обычно приводят к тому, что люди начинают прятать улики из страха перед последствиями. Я предпочитаю знать правду, мисс Эшфорд. Даже если ради нее приходится лишний раз спросить позволения.

Он застегнул сюртук и шагнул к двери, но у самого порога обернулся:

— Послезавтра в десять утра. Перед визитом к эксперту. Вы позволите мне снова занять ваше кресло у камина?

— Только если вы пообещаете не трогать часы на полке, — отшутилась Аделина, поднимаясь проводить гостя. — Они и без того спешат на три минуты, а ваш суровый взгляд рискует окончательно сломать им маятник.

Дамиан тихо рассмеялся — коротко, открыто, совершенно преобразив свое строгое лицо.

— Обещаю смотреть исключительно на хозяйку дома. До встречи, мисс Эшфорд.

Дверь закрылась. Аделина вернулась к окну и проводила взглядом высокий силуэт лорда, шагавшего к наемному экипажу без зонта, невзирая на начавшийся мелкий дождь.

Глава 5

Утреннее солнце девятого дня разливало по гостиной Аделины ровный, прохладный свет. На круглом столике, освобожденном от фарфоровых безделушек, лежали кусок чистой полотняной ткани, латунный измерительный штатив с граненой шкалой и два камня: потемневший берилл Клары и обычный необработанный кварц, служивший контрольным образцом.

Клара сидела на краешке стула, не снимая дорожной пелерины. Руки девушки лежали на коленях, сжатые в замок с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Она смотрела на инструменты Блэквуда с тем суеверным ужасом, с каким благочестивые прихожане взирают на весы инквизиции: твердо уверенная в собственной виновности, но отчаянно надеющаяся на чудо.

— Попробуйте еще раз, мисс Уитмор, — спокойно произнес Дамиан. Он стоял у стола, закатав рукава сорочки до локтей, открывая крепкие предплечья с тонкими темными волосками и парой старых белесых шрамов от сорвавшихся металлических струн. — Точно так же, как вы делали это на смотре. Возьмите брошь в левую ладонь. Призовите привычный отклик.

Клара сглотнула, протянула руку и коснулась серебряных крыльев. Ее веки задрожали, на лбу выступила крошечная бисеринка пота.

Ничего не произошло.

Берилл оставался мертвенно-серым. Латунная стрелка на шкале штатива едва качнулась на полделения и замерла, словно уперлась в глухую каменную стену.

— Теперь коснитесь контрольного камня, — велел Блэквуд.

Клара перевела пальцы на серый кристалл кварца. Тот отозвался слабым, едва заметным потеплением — обычная человеческая искра, какая есть у каждого, кто родился под элдмерским небом. Стрелка на штативе послушно сместилась на три деления вправо.

— Ваша личная сила в полном порядке, — объявил Дамиан, выпрямляясь и вытирая пальцы чистой салфеткой. — Вы не «перегрузили» артефакт, мисс Уитмор. Вы не сожгли его каналы и не растрясли оправу. Контрольный образец реагирует как положено. Значит, отзыва не дает сама брошь. При этом признаков перегрузки или повреждения каналов я не вижу.

Клара шумно, судорожно выдохнула, и плечи ее наконец опустились. На лице девушки появилось выражение такого ошеломительного облегчения, словно с ее шеи сняли тяжелый мельничный жернов.

— Я не сломала ее… — прошептала она, прижимая ладонь к груди. — Боги, я думала, что погубила память о матери!

Аделина, внимательно следившая за каждым движением Дамиана из своего кресла, незаметно расслабила пальцы, сжимавшие ручку веера. Блэквуд работал безукоризненно: ни тени профессионального высокомерия, никаких туманных фраз, призванных набить цену собственным знаниям.

— Что с физической связью? — спросила Аделина, подходя к столу. — Видимая печать расторгнута. Мы обе видели, как мастер Мерсер снял сургучный оттиск своим жезлом. Вы сами говорили о скрытом канале. Где он крепится?

Дамиан наклонился над штативом, разворачивая призму под другим углом.

— В том-то и загадка, мисс Эшфорд. Внешний контур чист. Оправа цела. Но посмотрите на вектор рассеивания.

Аделина заглянула в граненый окуляр. Внутри кристалла плясали тонкие, едва различимые фиолетовые нити. Они не уходили в воздух равномерным сиянием, как полагалось угасающему предмету: все линии сходились в одну точку у основания левого крыла, обра-

зуя крошечную, пульсирующую воронку, словно кто-то просверлил в камне невидимую глазу капиллярную трубочку.

— Утечка постоянная, — тихо произнес Дамиан, и его голос звучал совсем близко от ее уха, обдавая щеку теплом. — Для маленькой броши это смертельно — камень уже почти пуст. В моем поместье главный узел теряет силу медленнее, но нити отвода сходятся точно так же. Способ отвода идентичен.

— Селеста ворует силу, — прямо сказала Клара, сжав кулаки.

— Мы не можем этого утверждать, — немедленно остановил ее Дамиан, поворачиваясь к девушке. — Во всяком случае, пока. У нас есть два поврежденных предмета и одно общее имя мастера печатей. Но в суде или перед инспектором это сочтут совпадением, несчастным случаем или редкой аномалией ремесленного сплава. Чтобы доказать умысел, нам нужны выводы официальной палаты. И свидетельства других людей.

Он аккуратно завернул брошь обратно в замшу и передал Кларе:

— Эксперт палаты мер ждет нас через полчаса на Нижней набережной. Едемте.

Мастерская независимого эксперта палаты мер господина Торпа помещалась в полуподвале старого кирпичного дома у причалов, где пахло сыростью, машинным маслом и жженой медью.

Здесь не было шелковых драпировок и благоухающих лилий, как у баронессы Пембертон. Вдоль закопченных стен тянулись верстаки, заваленные разбитыми манометрами, медными шестернями и расколотыми кристаллами; под потолком на толстых железных цепях висели тяжелые защитные экраны, а в углу мерно гудела проверочная печь.

Сам господин Торп — седой коротышка с огромной лупой, привязанной ремешком к лоснящемуся лбу, — смерил вошедших подозрительным взглядом из-под кустистых бровей.

— Перчатки долой, — сварливо велел он, указывая на грубый деревянный верстак в центре комнаты. — Шляпки на полку. И никаких духов возле стола, дамочка, они сбивают калибровку спиртовых трубок. Что у вас? Опять домашний самовар с треснувшей тягой?

Дамиан молча выложил на очищенный верстак серебряную брошь Клары.

Эксперт подцепил украшение пинцетом, опустил лупу на глаз и замер на добрых пять минут. Он щелкал крошечными рычажками, подносил к камню светящиеся стеклянные палочки, измерял сопротивление металла тонкой медной проволокой. Лицо его постепенно теряло ворчливое выражение, сменяясь глубокой профессиональной озабоченностью.

— Любопытно, — пробормотал Торп, постукивая ногтем по оправе. — Крайне любопытно. Внешняя печать снята начисто, работа гильдейская, рука твердая. Но внутренний объем тает, как кусок сала на сковороде. Куда уходит поток?

— Это мы и хотели узнать у вас, господин Торп, — произнесла Аделина, не удержавшись от вопроса. — Разве палата мер не ведет учет подобных повреждений? Если инструмент мастера дает такой побочный эффект, должны быть другие жалобы!

Торп поднял голову, и лупа на его лбу блеснула круглым стеклянным глазом:

— Побочный эффект, говорите? А чей инструмент-то был, милочка? — Торп придвинул к себе книгу осмотров. — Назовите мастера. У меня за полгода три похожих списания скопилось, все на старость камня грешили. Сличу записи. Только фамилию хозяйки придется внести в запрос: по безымянной вещи чужие дела вам не откроют.

Аделина уже открыла рот. Если Торп сопоставит случаи, у них появится основание искать других пострадавших — без гадания по салонным сплетням. Но в запросе придется назвать Клару, которой они обещали тайну.

Но Дамиан сделал шаг вперед и мягко, но непреклонно положил ладонь на деревянную столешницу прямо перед носом эксперта.

— Фамилии в протоколе не будет, господин Торп.

Старик воззрился на него с искренним изумлением:

— Это еще почему, милорд? Вы же сами подтверждения ищете!

— Потому что владелица предмета не давала согласия на огласку своего имени, — отчеканил Блэквуд. Он даже не повысил голоса, но в его тоне прозвучала та несокрушимая твердость, против которой бессмысленно спорить. — Вы составите опись на безымянный предмет. Ограничитесь описанием истощения, вектора распада и отсутствия механических повреждений. Ее фамилию в запрос не включайте. Я могу подать его от собственного имени: после расторжения помолвки моей сестры истощается семейный защитный узел.

Он повернулся к Кларе, застывшей у двери:

— Вы подтверждаете такое решение, мисс?

Клара поймала его взгляд и медленно, с глубокой благодарностью кивнула:

— Да. Только технический осмотр. Без моего имени.

— Тогда принесите владельческое удостоверение и номер того договора, милорд, — Торп потянулся за отдельным бланком. — Ваш случай зарегистрируем под вашей фамилией. Но искать будем через закрытый реестр родовых залогов: доступ туда только по запросу королевского инспектора. Мою опись ему и предъявите. А здесь пока оставим безымянную брошь.

Он принялся скрипеть гусиным пером по серому бланку палаты: — «Образец номер сорок восемь, прогрессирующее истощение невыясненной природы, следов механического взлома не обнаружено». С вас два золотых за срочность. Номер обращения по узлу получите после регистрации бумаг.

Выйдя из полуподвала на набережную, Аделина глубоко вдохнула свежий речной воздух.

Аделина посмотрела на Дамиана, шагавшего рядом с непроницаемым лицом. Он предложил открыть собственное дело, но не позволил вписать Клару в чужой запрос без ее согласия. Ради быстрого ответа лорд не стал отступать от данного ей слова.

— Вы редкий упрямец, лорд Блэквуд, — негромко заметила Аделина, поправляя шляпку от ветра с реки. — Но, признаться, весьма надежный.

Дамиан скосил на нее глаза, и в его взгляде мелькнула теплая ирония:

— Приму это за высшую светскую похвалу, мисс Эшфорд. Теперь нам требуется безопасное место, чтобы решить, в какую сторону делать следующий шаг. И, если память мне не изменяет, время давно перевалило за полдень.

Столовая при гостинице «Золотой якорь» на Верхней набережной славилась двумя вещами: полным отсутствием праздной светской публики и превосходным запеченным судаком с белым вином.

Клара, получив на руки официальную бумагу палаты мер и твердое обещание не бросать ее дело, спешно откланялась — питомник требовал ее присутствия к вечерней кормежке. Экипаж увез девушку за город, а за столом у высокого окна, выходившего на тихий внутренний садик с цветущей сиренью, остались только Аделина и Дамиан.

Официант расставил тяжелые серебряные приборы, подал рыбу на овальном блюде, запотевший графин с белым вином и бесшумно удалился, плотно прикрыв за собой дубовую дверь кабинета.

— Итак, — Аделина подцепила вилкой нежный ломтик рыбы, — для доступа к родовому реестру нужен инспектор. Пока готовится ваш запрос, я попробую другой путь. Светские сплетни, лавки модисток и гостиные скучающих кузин.

— Это ваша территория, мисс Эшфорд, — отозвался Дамиан, наливая вино в бокалы. — В гостиных я произвожу впечатление человека, готового немедленно проверить прочность перекрытий и потребовать смету на ремонт камина. Дамы от меня разбегаются.

— Неудивительно, — улыбнулась Аделина, сделав глоток. Вино было сухим, прохладным и пахло зелеными яблоками. — Вы задаете слишком прямые вопросы. В приличном обществе

принято полчаса обсуждать погоду и фасон рукавов, прежде чем поинтересоваться, почему у хозяйки дома внезапно перестал греть каминный артефакт.

Она промокнула губы льняной салфеткой и посерьезнела:

— Завтра утром я еду на примерку к госпоже Лоран. Она обшивает половину дам из круга баронессы Пембертон. Полгода назад там шумно обсуждали разрыв помолвки леди Сесилии Блейк. Говорили, что жених сбежал перед самой свадьбой, а Селеста лично улаживала денежные претензии семейств. Если я осторожно заведу разговор о возврате залогов…

— Только осторожно, — предупредил Дамиан. Он отложил нож, и взгляд его стал пристальным. — Никаких прямых упоминаний Клары, моего поместья или палаты мер. Если баронесса заподозрит, что мы ведем направленный поиск, она просто спрячет концы или надавит на попечителей мисс Уитмор так, что девушку сошлют в деревню до конца недели.

— Не учите меня плести светские сети, милорд, — парировала Аделина с легким прищуром. — Я занимаюсь этим дольше, чем вы возитесь со своими медными щупами. Ни одна сплетница в лавке Лоран даже не поймет, о чем именно я спросила.

Дамиан откинулся на высокую спинку кресла. Напряжение последних дней словно отпустило его: плечи расправились, на щеках появился легкий румянец от вина, а жесткая складка у рта разгладилась.

— Знаете, мисс Эшфорд… это кресло удивительно неудобное.

Аделина удивленно моргнула:

— Что?

— Слишком низкая посадка и чрезмерно глубокая спинка, — с совершенно серьезным видом пояснил лорд Блэквуд, постучав пальцем по полированному подлокотнику. — Человек ростом выше пяти футов неизбежно сползает вперед, если не подложит подушку под поясницу. Столяров, которые мастерят подобную мебель для ресторанов, следовало бы приговаривать к трем годам каторжных работ на лесопилке.

Аделина не выдержала и звонко, искренне рассмеялась.

— Вы неисправимы, Дамиан! Мы обсуждаем крупнейшее магическое мошенничество в столице, а вы инспектируете угол наклона ресторанного стула!

— Одно другому совершенно не мешает, — невозмутимо возразил он, но взгляд его заметно потеплел. — Удобство жизни складывается из мелочей. Нельзя спасать родовое поместье, сидя в позе свернувшегося ежа. В вашей гостиной, к слову, кресла куда лучше. Хотя часы все-таки врут.

— Мои часы показывают ровно то время, которое мне приятно видеть, — с достоинством ответила Аделина, ловя себя на том, что ей совершенно не хочется подниматься из-за стола.

Обед давно закончился. Рыба была съедена, графин почти опустел, за окном сгущались сиреневые весенние сумерки, а они все сидели друг напротив друга, перебрасываясь пустяками о столичных портных, скверных экипажах и привычке Марты прятать миндальное печенье в самый дальний буфет.

С ним было легко. Той редкой, взрослой легкостью, которая возникает между людьми, не нуждающимися в притворстве и не пытающимися казаться лучше, чем они есть на самом деле.

— Мне пора, — наконец произнесла Аделина, с легким сожалением взглянув на перчатки. — Марта решит, что меня похитили разбойники с набережной.

Дамиан поднялся первым, обошел стол и подал ей руку, помогая встать. Его ладонь была широкой, сухой и горячей. Прикосновение длилось на пару секунд дольше, чем требовалось для светской вежливости, но ни один из них не поспешил разорвать жест.

— Я буду ждать вашей записки после визита к модистке, Аделина, — тихо произнес он, впервые назвав ее по имени.

— Завтра к вечеру, — ответила она, глядя прямо в его серые глаза. — Если сплетни принесут плоды, нам понадобится новый план.

Они вышли на мостовую, где уже зажигались первые газовые фонари. Вечерний Белл-форд гудел голосами и перестуком копыт проезжавших экипажей.

Глава 6

Модная лавка госпожи Лоран на углу Ткацкой улицы и Серебряного переулка благоухала лавандовой водой и свежевыглаженным муслином. За бархатными занавесками стоял приглушенный шепот, ради которого дамы благородного сословия и заказывали здесь платья по тройной цене.

Шелка мадам привозила из южных портов, кружево — из монастырских мастерских предгорий, однако главным товаром лавки оставались примерочные. Четыре полукруглые ниши, отгороженные плотным фиалковым бархатом, заглушали шорох юбок и стук деревянных колодок, но удивительно бережно доносили каждый вздох до соседки по примерке.

Аделина Эшфорд стояла перед высоким тройным зеркалом, терпеливо позволяя помощнице модистки подкалывать булавками нижнюю кайму визитного платья из плотного серо-голубого шелка. Оттенок мадам Лоран именовала «утренней волной над гаванью», что добавляло к счету добрых пятнадцать серебряных монет, зато превосходно подчеркивало цвет глаз и не требовало избытка драгоценностей.

— Если мадам соблаговолит повернуть левое плечо… — пробормотала девочка-швея, державшая во рту запасные булавки.

Аделина плавно повернулась, бросив скользящий взгляд на бархатную занавеску третьей ниши.

Там раздавался скрип корсетных планшеток и непрерывное, монотонное воркование пожилой дамы, явно недовольной шириной рукавов своей юной родственницы. Посетительницей была леди Сесилия Блейк — та самая девица, чья шумная помолвка с графом Мортоном расстроилась минувшей осенью, едва дотянув до оглашения в кафедральном соборе. Рядом с ней неотлучно присутствовала ее тетушка, вдовствующая баронесса Гилмор, женщина с острым птичьим носом и репутацией главного столичного стража семейной благопристойности.

— Говорят, граф вернулся с южных вод совершенно разоренным, — вздыхала тетушка сквозь шорох тафты. — Какое счастье, Сесилия, что дорогая баронесса Пембертон вовремя настояла на расторжении. Представь, если бы ты оказалась привязана к человеку с заложенными виноградниками!

— Да, тетушка, — послушно отзывалась Сесилия. Голос девушки звучал вяло, с той безразличной покорностью, какую обычно приобретают барышни после трех месяцев строгой домашней диеты из нравоучений.

— Баронесса умеет беречь покой благородных семейств, — не унималась старая леди. — Правда, этот ее мастер печатей берет безбожно дорого за снятие договора, но за душевный мир стоит платить.

Аделина подала знак швее, мягко отвела бархатную портьеру и шагнула в общий зал, где на низких столиках громоздились круглые шляпные коробки, перевязанные лентами из шелковой органзы.

Сесилия Блейк вышла следом, оправляя перчатки из тонкой лайки. Ей было едва за двадцать: бледное, чуть одутловатое лицо, потухшие карие глаза и та настороженная сутулость в плечах, которая выдавала привычку ожидать упрека за каждый неверный вздох. Тетушка Гилмор величественно шествовала позади, придирчиво разглядывая кружевные воротнички на витрине.

— Леди Сесилия, какая приятная встреча, — с безупречной полуулыбкой произнесла Аделина, останавливаясь у стола с коробками так, чтобы мягко преградить девушке путь к выходу. — Мы не виделись с осеннего бала у герцогини. Вы прекрасно выглядите. Этот оттенок шалфея очень идет вашему цвету лица.

Сесилия вздрогнула, моргнула и смущенно опустила ресницы: — Благодарю вас, мисс Эшфорд. Вы… вы очень любезны.

Тетушка Гилмор мгновенно вытянула шею, уловив знакомую фамилию. Острый нос старой дамы слегка дернулся вверх, точно у охотничьего спаниеля, почуявшего в приличном кустарнике лисий след. Репутация Аделины Эшфорд в кругу блюстительниц нравственности оставалась предметом постоянного, сладкого возмущения: женщина, вернувшая свои деньги и выставившая жениха за порог, вызывала у замужних матрон смесь суеверного ужаса и тайной зависти.

— Мисс Эшфорд, — сдержанно кивнула баронесса Гилмор, демонстративно задерживая пальцы на локте племянницы. — Мы как раз спешим к карете. Доктор находит столичный воздух излишне сырым для Сесилии после… осенних треволнений.

— Понимаю вас, сударыня, — ласково отозвалась Аделина, даже не взглянув на старую даму и продолжая смотреть исключительно на девушку. — Осень выдалась хлопотной для многих. Впрочем, быстрое улаживание взаимных претензий оставляет место для надежды. Мне говорили, баронесса Пембертон весьма деликатно устроила возврат ваших семейных ценностей. Всегда отрадно знать, что фамильные вещи возвращаются в полной целости.

Сесилия нервно дернула уголком рта. Ее пальцы судорожно сжались на ручке бисерного ридикюля. — Вещи… да. Баронесса и мастер Мерсер закрыли договор в один день. Хотя…

— Сесилия, дорогая! — громко перебила тетушка, сердито звякнув золотым лорнетом о пуговицы накидки. — Семейные расчеты не обсуждают в модной лавке в присутствии посторонних! Мисс Эшфорд, при всем моем уважении к вашей… предприимчивости, не всякое расторжение требует столь пристального публичного внимания. Мы предпочли забыть подробности.

— Разумеется, — спокойно согласилась Аделина, уловив, как побледнели губы девушки при упоминании имени Мерсера. — Деликатность превыше всего. Я лишь хотела справиться о здоровье леди Сесилии. Бывает так, что родовые залоги после закрытия печатей ведут себя несколько… капризно. Если вам когда-нибудь понадобится совет по бережному обращению с подобными вещами, мой дом всегда открыт для вас.

Сесилия быстро, испуганно взглянула на Аделину. В глубине ее взгляда мелькнуло понимание, смешанное с глухим страхом перед новой оглаской. — Нам… нам ничего не требуется, мисс Эшфорд. Баронесса заверила дядюшку, что все исполнено по закону. Прошу нас извинить.

Она поспешно юркнула мимо коробок с лентами к тяжелой дубовой двери. Тетушка Гилмор проводила Аделину холодным, колючим взглядом истинной инквизиторши, поджала тонкие губы и вышла вслед за племянницей, громко хлопнув дверью, так что зазвенел колокольчик.

Аделина осталась стоять у зеркала.

Прямого признания получить не удалось. Сесилия была слишком запугана семьей, чтобы говорить откровенно. Однако девушка не удивилась вопросу о капризных залогах: она испугалась его. И, что куда важнее, тетушка Гилмор непременно перескажет этот странный разговор трем своим кузинам за вечерним чаем, а к утру новость о расспросах опасной мисс Эшфорд ляжет на столик баронессы Пембертон.

Приглашение на утренний шоколад прибыло на следующий день с личным лакеем баронессы Пембертон. Записка на плотной гербовой бумаге пахла дорогими духами с нотой горького миндаля и содержала исключительно любезные фразы о необходимости «развеять мелкие светские недоразумения между умными женщинами».

Городской салон Селесты в одиннадцать утра был залит мягким весенним светом. Матовые драпировки приглушали уличный гул, в изящной жаровне у камина тлели смолистые поле-

нья яблони, а круглый стол из светлого ореха ломился от угощений: марципаны в тонкой серебряной глазури, корзиночки с лесными ягодами и дымящийся густой шоколад в фарфоровых чашках с золотой вязью.

Сама баронесса восседала в глубоком шелковом кресле, развернутом спинкой к окну, так что лицо ее оставалось в мягкой тени, а гостья оказывалась на виду. Стену за ее плечом украшали портреты: благородные пары в золоченых рамах, счастливо соединившие капиталы под присмотром почтенной устроительницы.

— Дорогая Аделина, — пропела Селеста, протягивая руку для формального пожатия. Кольца на ее холеных пальцах блеснули крупными жемчужинами. — Вы так очаровательно пунктуальны. Садитесь ближе к огню. Весна в этом году ветреная, а молодой женщине с вашим… деятельным темпераментом легко простудиться во время прогулок по модным лавкам.

Аделина опустилась в указанное кресло, аккуратно расправив подол темного суконного платья. — Благодарю вас, баронесса. Погода действительно переменчива, однако покупки у госпожи Лоран всегда бодрят кровь. Особенно когда встречаешь старых знакомых.

Селеста чуть прищурила светлые, водянистые глаза, наливая шоколад из серебряного кофейника: — Старые знакомые порой бывают излишне впечатлительны. Бедняжка Гилмор вчера примчалась ко мне прямо из экипажа. Старушка была в совершенном расстройстве: ей почудилось, будто вы пытаетесь выведать у бедной Сесилии детали ее прошлогодней помолвки. Я, разумеется, успокоила почтенную даму. Сказала, что мисс Эшфорд слишком умна, чтобы ворошить чужое белье ради праздного любопытства.

Она придвинула чашку к Аделине и взяла крошечную ложечку: — Мы ведь с вами понимаем друг друга, не правда ли? Вы молодая женщина со средствами и прекрасным вкусом. Ваш маленький успех с мисс Уитмор наделал шума. Признаться, я сначала сочла это дерзкой выходкой. Но, поразмыслив, пришла к выводу: вы обладаете редким даром убеждения. Артур Вэнс был тяжелым клиентом, его упрямство стоило мне немалых хлопот. То, как вы развели эту пару без скандала на манеже, заслуживает уважения.

— Мистер Вэнс просто увидел невесту в ее естественном окружении, — ровно отозвалась Аделина, не прикасаясь к сладостям. — Для этого не потребовалось магии. Только здравый смысл.

— Здравый смысл — редкий и дорогой товар в нашем ремесле, — сладко подхватила баронесса, откинувшись на подушки. — Именно поэтому я пригласила вас. Городу нужны свежие силы. Юные девицы часто боятся довериться даме моего возраста и положения. Они ищут кого-то более… доступного. Смелого. Женщину, чья собственная история дает им иллюзию бунта.

Селеста замолчала, выдержав паузу, и наклонилась чуть вперед. В ее голосе зазвучали деловые, властные ноты, резко контрастировавшие с медовым выражением лица: — Вы можете оказывать мне неоценимые услуги, Аделина. Принимайте просительниц. Выслушивайте их девичьи слезы. Отбирайте тех, чьи семьи обладают достаточным состоянием и готовы платить за скорое разрешение трудностей. Направляйте их ко мне. Я беру на себя официальную часть: договоры, печати Мерсера, ведение дел с родственниками. Вы получаете двадцать процентов от каждого заключенного соглашения. И еще двадцать — от каждого законного расторжения.

Аделина медленно опустила чашку на блюдце. Фарфор звякнул в тишине комнаты. — Весьма щедрое предложение, баронесса. Двадцать процентов за то, чтобы стать вашей приемной конторой.

— За то, чтобы стать моей партнершей, — с нажимом поправила Селеста. — Вы получаете постоянный, надежный доход. Мое светское покровительство закроет рты любым кумушкам, порицающим ваше прошлое. Вы снова будете приняты в лучших домах. И, что самое главное, вы будете избавлены от риска. Ведь брать деньги за вмешательство в семейные дела

без лицензии устроителя — опасное занятие, мисс Эшфорд. Закон короны сурово карает тех, кого признают виновными в умышленном вымогательстве или подстрекательстве к нарушению помолвочных уз.

В воздухе отчетливо запахло угрозой. Аккуратно упакованная в бархат и марципан, она оставалась ровно тем, чем была: требованием подчиниться или принять удар.

— А если клиентка захочет сохранить брак? — с невинным любопытством спросила Аделина, глядя прямо в холодные глаза собеседницы. — Или если пара обратится за помощью, но для расторжения не окажется законных оснований? Кто будет решать, какому союзу существовать, а какому распасться?

Селеста тонко, снисходительно улыбнулась: — Решать буду я, милочка. Опыт подсказывает, какие браки приносят пользу, а какие лишь отнимают время у почтенных мастеров. Вам не придется утруждать свою прелестную головку подобными расчетами. Ваша задача — находить недовольных и приводить их к моему порогу.

Аделина поднялась с кресла. Ее движения были плавными, выверенными, полными ледяного, несокрушимого достоинства, которого ее не могли лишить никакие светские сплетни.

— Боюсь, нам не сработаться, баронесса.

Улыбка сползла с лица Селесты, сменившись тяжелым, неподвижным выражением сытой хищницы, у которой вздумали отнять законную добычу. — Вы отказываетесь? Подумайте дважды, Аделина. Столица полна женщин, переоценивших собственную независимость. Обычно они оказываются в провинциальных пансионах или долговых тюрьмах.

— Я никогда не продавала чужую зависимость, сударыня, — спокойно ответила Аделина, надевая перчатки. — И не стану начинать ради двадцати процентов от ваших комиссионных. Что же до мисс Уитмор и прочих… Советую вам проверить исправность жезла мастера Мерсера. Металл стареет, оправы изнашиваются, а скрытые утечки силы имеют свойство становиться достоянием гласности в самый неподходящий момент.

Баронесса застыла. Ее холеные пальцы судорожно стиснули ручку серебряного кофейника, но взгляд остался прикован к лицу гостьи — острый, колючий, оценивающий глубину чужой осведомленности.

— Вы переступаете опасную черту, мисс Эшфорд, — негромко, свистящим шепотом произнесла Селеста. Тарелочка со сладостями была отодвинута в сторону — представление с гостеприимством закончилось. — Очень скоро вы убедитесь, что защищать глупых девиц куда труднее, чем раздавать советы у модистки. Прощайте.

Аделина ответила безупречным поклоном и вышла вон, чувствуя, как внутри закипает глухой, злой азарт. Баронесса знала об их поисках. И удар не заставит себя ждать.

Вечером того же дня гроза разразилась прямо в гостиной Аделины.

На столе рядом с остывшим чайником белели два свежих листа бумаги. Один — вечерний выпуск «Столичного вестника», пахнущий дешевой типографской краской, второй — официальное уведомление на гербовом бланке с личной печатью лорда-попечителя Честера.

Клара Уитмор металась по комнате, не находя себе места. Ее шляпка была сбита на затылок, волосы растрепались, а светлые глаза горели отчаянной яростью пополам со слезами: — Они не имеют права! Не имеют! Отец завещал мне питомник, а не дядюшке! Как они смеют назначать публичную оценку молодняка без моего ведома?!

Марта, стоя у камина с каменным лицом, сердито свернула газету в тугой жгут и бросила на край стола: — Имеют, милочка. Пока попечительство не снято, закон на их стороне. А вот эта мерзость вышла час назад. На третьей полосе, прямо под отчетом о королевской охоте.

Аделина взяла газету. В светском отделе, в заметке под невинным заголовком «Опасные наставницы неопытных невест», витиеватым языком описывалась «печальная участь почтенного джентльмена с севера», обманутого коварной светской интриганкой, наживающей состо-

яние на разорении благородных семейств. Имен не называлось, но портрет дамы с доходным домом, отвергнутым женихом и привычкой вмешиваться в чужие помолвки был выписан с дотошной, почти портретной точностью.

Рядом лежало письмо попечителей. Ссылаясь на «вновь открывшиеся обстоятельства моральной нестабильности наследницы и пренебрежение хозяйственными обязанностями», дядюшка Говард и лорд Честер извещали Клару о назначении полной ревизии конюшни через месяц. Если к этому сроку состояние молодняка будет признано «угрожающим по причине халатности», попечители запускали процедуру распродажи животных в счет покрытия накопившихся убытков питомника.

— Селеста ударила быстро, — холодно заметила Аделина, опуская лист на стол. — Она поняла, что через меня надавить не удастся, и взялась за вашу конюшню, Клара. Она знает, что брошь остыла. Если вестники останутся дикими и напуганными к приезду комиссии, комиссия Честера признает их опасными для содержания. Животных пустят с молотка за бесценок.

— Я не отдам их! — закричала Клара, сжав кулаки до белых костяшек. — Я лягу у ворот манежа! Я не позволю увести серебряного!

— Ложиться под копыта глупо и совершенно бесполезно, — осадила ее Аделина строгим, властным тоном, заставившим девушку замолчать. — Дядюшка Говард только обрадуется вашей истерике: это даст ему повод объявить вас сумасшедшей прямо на глазах ревизоров. Мы поступим иначе.

Она придвинула к себе чистый лист бумаги и быстро вывела две строчки: — Первое: сохраните заключение господина Торпа о техническом осмотре броши. Мы уже получили его без указания вашей фамилии; оно пригодится поверенному. Второе: вот адрес господина Бэнкса, стряпчего по делам наследства. Он вел дела моего отца. Завещание вашего родителя допускает временное привлечение независимого смотрителя при угрозе недобросовестного попечительства. Мы потребуем официального аудита счетов дядюшки. Пусть старый мошенник объяснит, куда делись средства на закупку овса за прошлую зиму.

Клара шумно перевела дух, бережно взяла записку с адресом юриста и спрятала ее в карман: — Я сделаю все, мисс Эшфорд. Сама пойду к Бэнксу. Не стану плакать.

В этот момент дверной колокольчик в прихожей нетерпеливо звякнул. Спустя полминуты Марта распахнула дверь, впуская в комнату вечерний холод и высокого мужчину в темно-синем дорожном пальто.

Дамиан Блэквуд вошел стремительно. Его темные волосы были мокрыми от мелкого дождя, на скулах играли желваки, а в руках он держал точно такой же номер «Столичного вестника». Взгляд его серых глаз метнулся от бледной Клары к Аделине, сидевшей у заваленного бумагами стола.

— Вы читали это? — с порога спросил он, бросив газету на комод. В голосе его клокотала глухая, тяжелая ярость. — Баронесса перешла к открытой клевете. Мой поверенный уже готовит иск о защите чести, но…

— Иск будет рассматриваться три месяца, Дамиан, — тихо перебила его Аделина, поднимаясь навстречу. — А ревизия у Клары назначена уже через месяц. Селеста не собирается судиться. Она хочет уничтожить питомник чужими руками раньше, чем мы доберемся до свидетелей.

Дамиан замер, вглядываясь в ее лицо. Он привык видеть перед собой уверенную, насмешливую хозяйку столичной гостиной, всегда готовую отразить чужой выпад язвительной шуткой. Но сейчас под ее спокойной осанкой сквозила настоящая, обнаженная тревога человека, чье первое доброе дело обернулось угрозой для доверившейся ему девушки.

Аделина сделала шаг к нему. Ей было непривычно, физически трудно произносить эти слова — опыт прежнего обмана намертво впечатал в ее сознание правило никогда ни о чем

не просить мужчин, особенно облеченных властью и титулами. Но сейчас речь шла не о ее гордости.

— Мне нужна ваша помощь, — произнесла она негромко, глядя ему прямо в глаза. Голос ее дрогнул, но не от слабости, а от усилия преодолеть собственную привычку стоять в одиночку. — Моих связей в суде недостаточно, чтобы остановить лорда Честера. Нужен человек, чей авторитет признает комиссия. Нужен специалист, который подтвердит состояние защиты. Вы поможете нам?

Дамиан смотрел на нее несколько бесконечно долгих секунд. Жесткие черты его лица дрогнули, сменившись выражением глубокой, безоговорочной решимости. Он не стал читать нотаций о неосторожности, не стал предлагать взять все в свои руки и не потребовал послушания взамен.

Он просто шагнул ближе и накрыл ее пальцы своей теплой, сухой ладонью.

— Завтра утром, — твердо произнес Блэквуд, — мы едем в мое поместье. Все вместе. Вы, Клара и Марта.

Аделина вскинула брови: — В Блэквуд-холл? Зачем?

— Затем, что комиссия Честера испугается лишь одного: официального заключения гильдии о внешнем вмешательстве, — ответил Дамиан, не отпуская ее руки. — Чтобы получить его, нам нужно соединить данные по броши с родовым узлом на месте. Там развернуто стационарное оборудование. Вы увидите повреждение своими глазами, Аделина. Увидите, как узел реагирует на попытку перехвата. А послезавтра я лично предстану перед вашими попечителями, мисс Уитмор, и попробую посмотреть, кто из них рискнет объявить мой отчет девичьей выдумкой.

Клара судорожно всхлипнула и прижала ладони к щекам, впервые за весь вечер поверив в спасение.

Аделина медленно перевела дыхание. Тепло его руки грело замерзшие пальцы, прогоняя липкий страх перед завтрашним днем. Чужая забота больше не казалась ловушкой: в ней было надежное, спокойное плечо человека, привыкшего держать удар вместе с теми, кто ему дорог.

— Дорога займет два часа, — тихо напомнила она, высвобождая руку, но сохранив на губах мягкую улыбку. — Выдержит ли ваша библиотека нашествие трех встревоженных дам?

— Моя библиотека видела вещи пострашнее трех решительных женщин, — отозвался Дамиан, и в глубине его глаз вспыхнули знакомые теплые искры. — Собирайте вещи. Выезд в восемь утра. Нам предстоит показать баронессе, что чужие свадьбы отменяют не только по ее расписанию.

Глава 7

Два часа пути по северному тракту промелькнули за мерным покачиванием рессор и сухим стуком колес по укатанному гравию. Столица осталась позади, укутанная серым фабричным дымом и назойливым шепотом утренних газет, а за окнами экипажа развернулись холмы Элдмера — покатые, изумрудные от молодой весенней озими, перечеркнутые низкими каменными изгородями.

Клару оставили в городе: с первыми лучами солнца девушка отправилась к стряпчему Бэнксу с письмами отца, взяв с собой уже полученный у Торпа технический акт на брошь. В карете Блэквуда ехали втроем: Аделина, Дамиан и Марта, благоразумно прихватившая с собой корзинку с дорожным пирогом и тяжелую вязаную шаль на случай сырых деревенских сквозняков.

Блэквуд-холл открылся взгляду внезапно, за поворотом вековой вязовой аллеи.

Усадьба производила внушительное, строгое впечатление: сложенное из темно-серого речного камня трехэтажное здание с узкими стрельчатыми окнами, массивными угловыми башенками и покатой сланцевой крышей. Дом строился в те времена, когда дворянские гнезда предназначались для обороны от мятежных соседей, однако позднейшие перестройки смягчили его суровость широкой террасой, гравиевыми дорожками и подстриженными тисовыми шпалерами парка.

И все же в облике поместья сквозила странная, настораживающая неправильность.

С левой стороны, где над хозяйственным крылом поднимались теплые дымки кухонных очагов, звенели ведра и слышались голоса конюхов, жизнь текла обычным чередом. Но правая часть — длинное западное крыло с высокой смотровой башней — казалась совершенно необитаемой. Окна второго яруса были наглухо закрыты тяжелыми деревянными ставнями, на парадном крыльце лежали неметеные прошлогодние листья, а над каменным карнизом дрожало едва уловимое сизое марево, пахнувшее грозовым озоном и жженой известью.

На широких ступенях гостей встречала Инес Блэквуд.

Сестра Дамиана была на девять лет моложе брата, но удивительно походила на него фамильным разрезом серых глаз и твердой линией упрямого подбородка. На ней было простое домашнее платье из темно-вишневой шерсти, поверх которого темнел короткий рабочий жилет из мягкой кожи с глубокими карманами для ключей. Лицо девушки казалось бледным, под глазами залегли тени от бессонницы, но держалась она с безупречной светской выдержкой.

— Мисс Эшфорд, добро пожаловать в Блэквуд-холл, — тепло произнесла Инес, пожимая руку Аделины. Рукопожатие у нее оказалось таким же сухим и крепким, как у брата. — Клара писала мне о вашей доброте. Простите, что встречаем вас без подобающего парада: управляющий занят переписью кладовых, а парадную анфиладу пришлось временно запереть на просушку.

— Просушка — весьма полезное весеннее занятие, — с улыбкой отозвалась Аделина, оглядывая просторный вестибюль.

Пол здесь был выложен черными и белыми гранитными плитами, вдоль стен высились дубовые панели с резными гербами рода — ворон с разорванной цепью, — а под высоким сводчатым потолком мерцали зачарованные масляные светильники. Впрочем, два светильника из четырех были погашены, а широкий арочный проем, ведущий в западную галерею, перегораживала тяжелая полотняная ширма на латунных стойках.

— Мы пройдем через малую галерею в сад, — предложила Инес, направляясь к боковому коридору. — Там солнце прогрело беседку, Агата подаст нам чай, а Дамиан покажет вам чертежи питомника до того, как…

— Нет, — коротко и глухо перебил Дамиан, передавая пальто подоспевшему лакею. — Малая галерея закрыта с полуночи, Инес. Мы пойдем через служебный переход мимо кухни.

Девушка замерла на пороге, медленно повернулась к брату, и тонкие ее брови возмущенно взлетели: — Служебный переход? Вести гостей мимо посудомоечной и угольного погреба? Дамиан, вчера вечером мы совершенно спокойно пили там кофе! Оконные решетки проверены, контур в малой галерее держал ровно две единицы запаса!

— С полуночи узел опустился до полутора, — сухо, тем же безапелляционным тоном сообщил Блэквуд, доставая из кармана медный ключ на цепочке. — Появилась обратная тяга по нижним сводам. Я распорядился запереть внешние двери галереи до вечера. Идем через кухню.

Инес вспыхнула. На ее щеках выступили алые пятна обиды, пальцы судорожно стиснули кожаный край жилета. Она явно собиралась возразить, потребовать объяснений или обвинить брата в излишней подозрительности, но присутствие посторонней дамы заставило ее проглотить резкие слова.

— Как тебе будет угодно, милорд, — холодно процедила она, подчеркнув титул с той особенной родственной язвительностью, которая жалит больнее открытой ссоры. — Разумеется, хозяину дома виднее, какими темными закоулками водить благородных гостей.

Она развернулась на каблуках и зашагала вперед, высоко вскинув подбородок.

Аделина поймала виноватый, тяжелый взгляд Дамиана, но промолчала. Знакомая картина: заботливый старший родственник снова пытался уберечь близких от страха, выдавая им сухие приказы вместо правды, и добивался лишь растущей глухой враждебности.

Они двинулись по узкому боковому коридору. Здесь было прохладно, пахло свежеиспеченным ржаным хлебом и старым камнем. Впереди шествовала разгневанная Инес, за ней Марта, с практичным любопытством разглядывавшая медные кастрюли на открытых полках кухни, а позади шагали Аделина и Дамиан.

— Вы напрасно скрываете от нее цифры, — негромко шепнула Аделина, когда они поравнялись с поворотом к малой кладовой. — Она взрослая женщина. Неведение пугает сильнее любых трещин в фундаменте.

— Она винит себя за расторжение помолвки с Торном, — так же тихо, сквозь зубы ответил Дамиан, не глядя на спутницу. — Если я скажу ей, что запас узла продолжает таять, она завтра же отправится к виконту просить прощения, лишь бы остановить разрушение усадьбы. Я не допущу этого, Аделина. Мой долг — держать оборону, пока расчеты не закончены.

— Долг — превосходное слово, милорд, — заметила она, придерживая подол на крутой каменной ступени. — Им так удобно оправдывать привычку решать за десятерых.

Дамиан дернул щекой, собираясь ответить, но договорить не успел.

Сзади, из глубины перекрытой западной галереи, донесся тяжелый, глухой гул — словно под полом дома провернулось огромное каменное колесо мельницы. Воздух в коридоре мгновенно загустел, завибрировал, ударив по барабанным перепонкам резким перепадом давления, а пламя редких светильников на стенах вытянулось в дрожащие фиолетовые стрелы.

Гул нарастал, сопровождаемый низким, металлическим скрежетом сорвавшихся запоров.

Из служебной двери в конце коридора с визгом выскочила молоденькая горничная в накрахмаленном белом чепце, уронив на каменные плиты оловянный таз со свежевыстиранным бельем. Следом за ней, тяжело переставляя ноги, выбежал старый помощник смотрителя погребов, судорожно бормоча молитву и прижимая к груди пучок сальных свечей.

— Заперло! — в ужасе закричал старик, завидев хозяина. — Милорд, железные решетки на переходах сами опустились! В третьей галерее сквозняк огненный, камень трещит!

Дамиан среагировал мгновенно, без тени растерянности.

Одним мощным движением он отстранил Аделину к безопасной нише у массивного дверного косяка, сорвал с пояса латунный диск контрольного прибора и шагнул вперед, перекрывая собой узкое пространство коридора.

— Инес, Марта, уводите людей в сторону внутреннего двора! — его голос прозвучал подобно удару боевого колокола, мгновенно сметя панику слуг. — Назад, через пекарню! За внешнюю стену! Живо!

Но путь к отступлению уже начал меняться.

В глубине перехода с сухим, оглушительным лязгом упала кованая решетка, отсекая выход к кухне. Защитный контур усадьбы, лишенный стабильного питания и потерявший способность распознавать жильцов, перешел в режим глухой круговой блокады: старые механизмы один за другим захлопывали тяжелые дубовые переборки, изолируя сектора дома точно так же, как задраивают трюмные отсеки тонущего фрегата.

Из арочного проема западного перехода потянуло удушливым, раскаленным жаром.

В полутьме коридора послышался тяжелый, размеренный стук шагов. Звук был слишком сухим и монотонным для человеческой поступи — так шагают массивные каменные глыбы, приводимые в движение скрытыми пружинами древних охранных плетений. Из-за поворота показалась фигура: четырехрукий каменный страж ростом в добрых семь футов, высеченный из цельного серого гранита. В верхних лапах истукан сжимал тяжелые рифленые брусья, на груди его тускло пульсировал темно-алый символ боевой тревоги, а пустые глазницы вспыхивали слепыми багровыми искрами.

Механизм принял людей в коридоре за нарушителей периметра.

— Назад! — приказал Дамиан, вскидывая обе руки.

Между его ладонями и шагнувшим вперед гранитным истуканом вспыхнул плотный голубоватый барьер. Воздух затрещал, пахнуло паленой шерстью и расплавленной медью. Удар каменного бруса о защитную пленку отозвался глухим звоном, от которого задрожали плиты пола. Дамиан стиснул зубы, его плечи напряглись под тканью сюртука, а вены на предплечьях вздулись от чудовищного сопротивления.

— Я не удержу вектор дольше двух минут! — крикнул он, не оборачиваясь. — Узел перегружен, контур питает стража напрямую из резерва! Ищите обход!

Инес растерянно металась у решетки, пытаясь расшатать тяжелые прутья собственным ключом: — Замок заклинило! Запорная планка перекосилась, механизм не принимает владельческую печать! Мы в ловушке!

Горничная тихо скулила, забившись в угол под навесом полок, старик-погребщик безуспешно дергал ручку глухой переборки. Марта стояла рядом с девушкой, крепко держа ее за плечи и зорко оглядывая каменную кладку стен в поисках любого выступа.

Аделина не стала кричать и не стала бросаться к решетке.

Она знала старые элдмерские усадьбы: архитекторы времен первых войн никогда не оставляли коридоры челяди без аварийных выходов для тушения пожаров или выноса золы. Взгляд ее скользнул по пыльным дубовым полкам, заставленным рядами глиняных горшков с солеными травами, и зацепился за узкую щель в штукатурке прямо за деревянным ларем для сухарей.

— Погребщик! — окликнула Аделина, и в ее голосе звенела та резкая, властная собранность, против которой трудно было спорить даже перепуганному слуге. — Что за этой перегородкой?

Старик моргнул, утирая пот с седых бровей: — Там… там дровяной лаз, барыня! В старую коптильню выходит, а оттуда дверь в птичий двор! Но он же низкий, там на карачках только…

— Отодвиньте ларь! — приказала Аделина, уже подхватывая тяжелый край дубового ящика вместе с Мартой. — Быстро! Марта, бери за нижний угол!

Женщины навалились втроем: Аделина, Марта и подоспевшая Инес. Дубовый ларь с визгом проехался по гранитным плитам, обнажая низкую квадратную дверцу, забранную сырой сосновой доской на простом деревянном засове.

Сзади раздался оглушительный треск.

Второй удар каменного стража пробил верхний край голубого барьера Дамиана. Сноп фиолетовых искр осыпал плечи лорда, ткань его сорочки на рукаве затлела, а гранитный истукан занес второй брус для решающего замаха. Дамиан опустился на одно колено, удерживая нижнюю дугу силового поля одной рукой, а второй судорожно нащупывая в кармане аварийный размыкатель.

— Все вон! — скомандовала Аделина, перехватывая за плечи визжащую горничную и буквально заталкивая ее в открывшийся темный лаз. — Ползите вперед, до света! Инес, принимай ее с той стороны! Марта, за ней!

Инес на мгновение замешкалась, глядя на брата: — Дамиан!

— Я иду следом! — крикнул Блэквуд, и в голосе его послышалась острая, свирепая натужность. — Уходи, Инес! Это приказ главы рода!

Девушка сжала зубы, нырнула в лаз вслед за горничной и стариком. Марта обернулась у самого порога, вопросительно взглянув на хозяйку.

— Я за ним, Марта, — твердо произнесла Аделина. — Принимай людей во дворе и вели конюхам нести ломы к внешней стене!

Компаньонка коротко кивнула и исчезла в темноте прохода.

В коридоре остались только двое.

Дамиан держал барьер из последних сил. Лицо его покрылось испариной, дыхание вырывалось из груди хриплыми толчками, а каменный страж уже продавил силовую пленку на добрый фут, нависая над человеком безжалостной гранитной скалой.

Аделина шагнула не к лазу, а к Блэквуду. Схватив с полки тяжелую железную жаровню для углей, она с размаху швырнула ее прямо под ноги каменному истукану.

Железный ящик с грохотом врезался в шарнир правого колена стража. Механизм на долю секунды споткнулся, сбившись с ритма шага, и алый символ на его груди мигнул, перераспределяя энергию на поддержание равновесия.

Этой доли секунды Дамиану хватило.

— Разрыв! — выкрикнул он, вбивая аварийный медный штырь прямо в щель между напольными плитами.

Силовой барьер схлопнулся с оглушительным звуком лопнувшей струны. Волна отдачи отбросила каменного стража на два шага назад, его сочленения заскрежетали, а Дамиан, перекатившись по полу, вскочил на ноги, подхватил Аделину за талию и буквально втолкнул ее в дровяной лаз, ныряя следом.

Сзади, за их спинами, рухнул свод служебного перехода, заваливая проход огромными обломками гранита и навсегда отсекая взбесившегося стража в каменном мешке.

В малой гостиной восточного крыла было тихо; от заляпанных копотью рукавов Дамиана тянуло гарью и остывшим камнем.

Слуги были благополучно выведены во внутренний двор; перепуганную горничную отпаивали валериановыми каплями в каретном сарае, а конюхи под присмотром старого управляющего выставляли деревянные подпорки под уцелевшие двери коридора.

В гостиной царил тихий, деловой полумрак. За окнами сгущались весенние сумерки, лениво шелестел начавшийся дождь. На широком круглом столе стоял керамический горшок с пересаженной геранью — Инес машинально прихватила любимый цветок, покидая покои, — и лежала связка временных латунных ключей от уцелевших комнат восточного флигеля.

Дамиан сидел у стола, вытянув длинные ноги. Его сюртук был сброшен на спинку кресла; сорочка на правом плече порвалась, открывая полосу обожженной кожи, которую Марта только что щедро смазала гусиным жиром и стянула чистым холщовым полотенцем.

Инес стояла напротив брата, уперев кулаки в столешницу. Вся ее светская сдержанность растаяла без следа, уступив место прямой, непримиримой семейной требовательности: — Хватит, Дамиан. Больше никаких «плановых просушек» и «незначительных колебаний фона». Каменный страж четвертого ранга едва не раздавил нас в служебном коридоре. Назови мне настоящие цифры. Сейчас же.

Дамиан устало потер переносицу перепачканными сажей пальцами. Он посмотрел на сестру, затем перевел взгляд на Аделину, сидевшую на низком диване с чашкой горячего настоя шиповника в руках. В ее глазах не было упрека — лишь спокойное, ясное ожидание взрослого человека, знающего цену полуправде.

— Около пяти недель, — негромко произнес Блэквуд. Голос его звучал глухо, лишенный привычной командной звонкости. — Если отток силы продолжится с текущей скоростью, через тридцать пять дней главный узел Блэквуд-холла полностью истощится. Защитные контуры рухнут, фундамент западной башни даст осадку, а старая магия родового камня выгорит до голой скалы.

Инес побледнела так стремительно, что Марта сделала шаг вперед, готовая подхватить девушку под локоть. — Около месяца… Но почему ты не отключил его? Ты лучший специалист по контурам в трех графствах! Достаточно сорвать главную шину в подвале!

— Нельзя просто «сорвать шину», Инес, — терпеливо, точно ребенку, объяснил Дамиан. — Блэквуд-холл строился четыреста лет назад. Контур дома сросся с несущими стенами, печатями перекрытий и дренажной системой холма. Если обрубить поток мгновенно, возникнет обратный удар контура: накопители в подвалах сдетонируют, а западное крыло сложится внутрь за десять секунд. Единственный способ безопасного отключения — поэтапный разряд устройств. Шаг за шагом, комната за комнатой, выводя механизмы в холодный контур.

— И сколько это займет? — тихо спросила Аделина, коснувшись теплого фарфора чашки.

— Два месяца, — ответил Дамиан, подняв на нее тяжелый, усталый взгляд. — И около шести тысяч золотых монет на закупку внешних стабилизаторов и работу выездной бригады мастеров гильдии. Заказ я уже отправил десять дней назад. Часть оборудования прибудет к концу следующей недели. Но усадьба теряет силу каждый день. Мы не успеваем, Аделина. Механическое отключение отстает от скорости воровства.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь мерным перестуком дождевых капель о стекло.

Инес медленно опустилась на свободный стул, спрятав лицо в ладонях. Ее плечи мелко дрожали, но слез не было — только безмерное, ошеломляющее осознание масштаба надвигающейся катастрофы. — Это из-за меня… Из-за того, что я отказала Торну. Если бы я вышла за него…

— Прекрати, — жестко, отрывисто произнес Дамиан, наклоняясь через стол и накрывая ладони сестры своей широкой рукой. — Брак с Торном не спас бы дом. Виконт заложил бы твое приданое на второй месяц, а баронесса и Мерсер провернули бы эту штуку при первом же пересмотре брачного контракта. Ты поступила правильно, отказавшись от негодяя. Виноват тот, кто привязал к нашему узлу скрытую воровскую пиявку. И мы найдем эту тварь, Инес. Найдем и оторвем ей голову по всем правилам гильдейского закона.

Он выпрямился и посмотрел на Аделину: — Завтра утром мы возвращаемся в город. Нужно идти к официальным властям. Нам требуется человек, имеющий право вскрывать лицензии мастеров печатей.

Аделина кивнула, отставляя чашку: — Эдмунд Хейл. Независимый инспектор магических сделок при королевской палате. Он упрям, не выносит светских сплетен и требует безупречных доказательств. Но если он увидит акт Торпа и ваш контрольный сланец… он начнет проверку.

4

Поздний ужин накрыли в малой угловой столовой восточного крыла к десяти часам вечера.

Никакого серебряного сервиза и накрахмаленных салфеток не было: кухарка, оправившись от испуга, прислала чугунный котелок с тушеной говядиной в темном пиве, каравай свежего серого хлеба, миску соленых огурцов и глиняный кувшин с терпким яблочным сидром. Стол освещали три разномастных подсвечника из соседних комнат — тяжелая бронза соседствовала с простым оловом, а фитили трещали от сквозняка из щелей старых оконных рам.

Инес, совершенно обессилевшая от пережитого потрясения, съела полкуска хлеба и ушла к себе в сопровождении Марты, пообещавшей напоить девушку ромашковым чаем и проследить за запорами на двери.

В столовой остались только двое.

Дамиан переоделся в сухую домашнюю сорочку из небеленого льна и темно-серые суконные штаны, перехваченные простым ремнем. Без сюртука и галстука, с растрепанными после умывания волосами и белой полосой повязки на плече, он казался моложе, проще и удивительно домашним — словно с него слетела вся наносная броня баронского титула.

— Мясо получилось солоноватым, — заметил он, накладывая Аделине щедрую порцию тушеной говядины прямо из котелка. — Наша Агата всегда пересаливает жаркое, когда пугается грозы. Примите это за искреннее кухонное раскаяние дома Блэквудов.

— После пробежки по дровяному лазу, милорд, — отозвалась Аделина, отламывая ломоть теплого хлеба, — ваша солоноватая говядина кажется мне верхом кулинарного искусства. Хотя подол платья придется сжечь. Сажа из коптильни не отстирывается ни одним известным науке щелоком.

— Я возмещу стоимость наряда, — совершенно серьезно отозвался Дамиан, наполняя ее кружку сидром.

Аделина выразительно изогнула бровь, подцепив вилкой ломтик мяса: — Только попробуйте прислать мне чек от модистки, Дамиан. Я верну его с курьером прямо на заседание вашего дворянского собрания. Женщина, которая метнула чугунную жаровню в боевого стража четвертого ранга, вполне способна самостоятельно оплатить три ярда испорченного сукна.

Блэквуд замер с кружкой в руке, и в его серых глазах вспыхнул тот самый теплый, искренний смех, ради которого стоило вытерпеть и двухчасовую тряску по тракту, и пыльный обвал в служебном коридоре.

— Признаться, Аделина… в тот момент, когда эта жаровня врезалась истукану в колено, вы выглядели абсолютно великолепно. Ни один магистр боевой магии не выбрал бы точку удара точнее.

— Чистый расчет хозяйки доходного дома, — парировала она, не сдержав улыбки. — Когда видишь перед собой нечто огромное, тупое и неумолимо надвигающееся на твою собственность, самое разумное — бить по шарнирам. С наглыми жильцами это работает безотказно.

Они рассмеялись — тихо, облегченно, с той запоздалой разрядкой, которая всегда приходит на смену смертельной опасности. Напряжение дня окончательно растаяло, уступив место мягкому, густому уюту затерянной в темноте комнаты. За окнами шумел дождь, в очаге потрескивали сосновые поленья, сидр отдавал пряной яблочной кислинкой, а еда казалась вкуснее любого изысканного обеда в столичных ресторациях.

Дамиан отставил кружку, оперся локтями о стол и посмотрел на нее долгим, внимательным взглядом: — Спасибо вам, Аделина. За то, что не сбежали через лаз первой. И за то, что помогли Инес. Большинство дам вашего круга после такого вечера потребовали бы карету до ближайшей почтовой станции и навсегда вычеркнули мою фамилию из списка знакомых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.